

ТРИЛОГИЯ “СТРАНА ДРУГИХ”

Лейла Слиманни

CoRpus

Смотрите,
как мы
танцуем

18+

Главный вопрос этой книги: как сделать так,
чтоб быть счастливыми несмотря ни на что?
FRANCE INTER, LE MASQUE ET LA PLUME

Страна других

Лейла Слимани

Смотрите, как мы танцуем

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Слимани Л.

Смотрите, как мы танцуем / Л. Слимани — «Издательство АСТ»,
2022 — (Страна других)

ISBN 978-5-17-147315-0

Лауреат Гонкуровской премии Лейла Слимани, французская писательница марокканского происхождения, продолжает в романе "Смотрите, как мы танцуем" свою семейную эпопею "Страна других". Основой для первой книги "Рождество под кипарисами" послужила подлинная история ее бабушки и деда — француженки Матильды и марокканца Амина, встретившихся и полюбивших друг друга в конце Второй мировой войны. Пройдя через все испытания, Амин и Матильда разбогатели и стали уважаемой четой в высшем обществе Мекнеса. Теперь в фокусе судьба их детей. Время не стоит на месте: в Марокко после провозглашения независимости ломается вековой уклад, назревает конфликт поколений. Детям Амина и Матильды приходится строить жизнь среди политических бурь, делать выбор между Западом и Востоком, противостоять авторитарной власти, искать свой путь, свое счастье, свою любовь. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-147315-0

© Слимани Л., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Действующие лица	6
Часть I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лейла Слимани
Страна других. Книга вторая
Смотрите, как мы танцуем

Издано при поддержке Программы содействия издательскому делу Французского института
тута

Cet ouvrage a benencia du soutien du Programme d'aide a la publication de l'Institut francais

© Éditions Gallimard, 2022

© Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2023

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Издательство CORPUS ®

18+

*Если бы не Баунти¹
ничего бы из этого не получилось*

¹ *Баунти* – уничижительное прозвище темнокожих, которые мыслят и ведут себя как белые (намек на шоколадный батончик «Баунти»). (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.)

Действующие лица

МАТИЛЬДА БЕЛЬХАДЖ. Родилась в Эльзасе в 1926 году, познакомилась с Амином Бельхаджем в 1944 году, когда его полк был расквартирован в ее деревне. В 1945 году она вышла за него замуж, а еще год спустя приехала к нему в Марокко, в город Мекнес. Более двух лет прожив в родительском доме, в квартале Беррима, в центральной части старого города, супруги перебрались на ферму, где Матильда родила двоих детей – Аишу и Селима. Ее муж работал не покладая рук, стараясь превратить свое владение в процветающее сельскохозяйственное предприятие, а она со временем открыла амбулаторию и лечила крестьян из окрестных селений. Поселившись в Марокко, Матильда сразу начала учить арабский и берберский языки. Несмотря на то что ей пришлось несладко и трудно было смириться с местными традициями, в особенности с положением женщин в обществе, она полюбила эту страну.

АМИН БЕЛЬХАДЖ. Родился в 1917 году. Его отец – Кадур Бельхадж, переводчик в колониальной армии, мать – Муилала. После смерти отца в 1939 году Амин как старший сын стал главой семьи и унаследовал принадлежавший Кадуре участок земли. В начале Второй мировой войны Амин пошел служить в полк спаги. Вместе со своим ординарцем Мурадом попал в плен и был отправлен в лагерь на территории Германии, откуда ему удалось бежать. В 1944 году он познакомился с Матильдой, и в 1945-м они обвенчались в деревенской церкви в Эльзасе. В 1950-е годы, когда в Марокко поднялись народные волнения, он трудился с невероятным упорством, мечтая, чтобы его ферма приносила высокий доход. Благодаря страстному увлечению агрономией и передовыми технологиями в сельском хозяйстве он выводил новые сорта цитрусовых и олив. Когда он заключил соглашение с венгерским врачом Драганом Палоши, многолетний период неудач и разочарований закончился, и предприятие Амина стало давать прибыль.

АИША БЕЛЬХАДЖ. Дочь Матильды и Амина, родилась в 1947 году. Училась во французской католической школе, проявляла блестящие способности. Эта замкнутая, склонная к мистицизму девочка стала предметом гордости своих родителей.

СЕЛИМ БЕЛЬХАДЖ. Сын Матильды и Амина, родился в 1951 году. Мать очень любила его и баловала. Он получил образование во французской колониальной школе.

ОМАР БЕЛЬХАДЖ. Один из братьев Амина, родился в 1927 году. В детстве и юности восхищался старшим братом и одновременно ненавидел его. Ставил ему в вину службу во французской армии и завидовал, оттого что Амин был любимчиком матери, Муилалы. Омар, натура необузданная и горячая, во время Второй мировой войны примкнул к националистам. В 1950-е годы он все больше вовлекался в националистическое движение и стал организатором нескольких жестоких столкновений с властями, предшествовавших установлению независимости.

ДЖАЛИЛ БЕЛЬХАДЖ. Самый младший из братьев Бельхадж, родился в 1932 году. Страдал душевной болезнью – наследственным недугом в роду Муилалы. Жил отшельником в своей комнате, неотрывно глядя в зеркало. Когда мать заболела и переселилась к Амину на ферму, Джалила отправили к дяде в Ифран. В 1959 году он отказался принимать пищу и вскоре умер от голода.

МУИЛАЛА БЕЛЬХАДЖ. Родилась в начале XX века, вышла замуж за Кадура Бельхаджа. Происходила из семьи среднего достатка, не умела ни читать, ни писать. Многие ее предки страдали психическим расстройством, могли выйти на улицу нагишом или разговаривать с призраками. Муилала родила семерых детей, из которых выжили четверо: Амин, Омар, Джалил и Сельма. Любящая и самоотверженная мать, Муилала боготворила старшего сына и восхищалась своей невесткой Матильдой – свободной и образованной женщиной. К 1955 году у Муилалы стали проявляться первые признаки душевной болезни, напоминавшей старческое слабоумие. Ей пришлось покинуть свой дом в старом центре Мекнеса и переселиться на ферму сына, где она провела последние годы. Умерла в 1959 году, за несколько месяцев до кончины младшего сына, Джалила.

СЕЛЬМА БЕЛЬХАДЖ. Сестра Амина, Омара и Джалила. Родилась в 1937 году. Мать обожала дочку, отличавшуюся поразительной красотой, братья установили за ней неусыпный надзор, а Омар порой жестоко избивал. Сельма не отличалась прилежанием, часто прогуливала школу, а весной 1955 года познакомилась с летчиком Аленом Крозьером и забеременела от него. Дабы избежать скандала и спасти честь семьи, Амин выдал Сельму замуж за своего бывшего ординарца Мурада. В 1956 году она родила дочь, которой дали имя Сабах.

МУРАД. Родился в 1920 году в маленькой деревеньке в восьмидесяти километрах от Мекнеса. В 1939 году его забрали в армию и отправили на фронт, где он стал ординарцем Амина, получившего офицерское звание. Он питал к своему командиру тайную неодолимую страсть и ревновал его к Матильде. После окончания Второй мировой войны он в составе марокканского контингента отправился в Индокитай. Доведенный до крайности невыносимыми условиями и жестокостью, с которой он там столкнулся, дезертировал, сумел добраться до Марокко и разыскать Амина. Тот нанял его к себе на ферму управляющим. Мурад вел дело железной рукой, злоупотреблял властью, и крестьяне его возненавидели. В 1955 году женился на Сельме.

МОНЕТТ БАРТ. Монетт, дочь Эмиля Барта, летчика, служившего на авиабазе в Мекнесе, родилась в 1946 году. Ученица католической школы, в годы учебы она сблизилась с Аишей. Девушки стали лучшими подругами и во всем доверяли друг другу. Отец Монетт Эмиль умер в 1957 году.

ТАМО. Дочь Ито и Ба Милуда, работавших на землях Амина и живших в соседнем дуаре. Матильда взяла Тамо в прислуги сразу после переезда на ферму. Несмотря на суровость хозяйки-эльзаски, Тамо в конце концов нашла свое место в господской семье и работала в доме до конца своих дней.

ДРАГАН ПАЛОШИ. Венгерский врач-гинеколог еврейского происхождения, во время войны бежал в Марокко вместе со своей женой Коринной. После неудачного опыта работы в клинике в Касабланке Драган решил перебраться в Мекнес и открыть там частную практику. В 1954 году он предложил Амину заключить соглашение и наладить экспорт апельсинов в Европу. Он всегда испытывал к Матильде дружеские чувства, восхищался ею и пришел на помощь, когда у нее возникли трудности с амбулаторией. Он всячески опекал Аишу и, пока она училась в школе, поощрял ее тягу к знаниям и привозил ей в подарок книги.

КОРИННА ПАЛОШИ. Жена Драгана, уроженка Дюнкерка. Ее необычайная сексуальная привлекательность пробуждала у мужчин страстное желание, а у женщин – неприятные подо-

зрения. Коринна не могла иметь детей, очень страдала от этого и жила в Мекнесе почти в полном одиночестве.

Часть I

*Время не считается со мной и навязывает мне что хочет.
Позвольте и мне игнорировать факты.*

Борис Пастернак
Доктор Живаго

Матильда стояла у окна и разглядывала сад. Свой пышный, буйно разросшийся, почти вульгарный сад. Ставший мезью мужу за то, что тот ограничивал ее во всем. Только что рас-светло, и лучи солнца робко пробивались сквозь листву. Сквозь крону жакаранды, усыпанной готовыми распуститься лиловыми бутонами. Сквозь ветви старой плакучей ивы и двух дере-вьев авокадо, отяжелевших от плодов: их никто не ел, они валялись и гнили в траве. В эту пору сад был особенно прекрасен. Наступил апрель 1968 года, и Матильда подумала, что Амин не случайно выбрал этот момент. Несколько дней назад распустились розы, доставленные ей из Марракеша, и сад наполнился их нежным пленительным ароматом. Под деревьями росли плотные кустики агпантуса и георгинов, зеленели упругие подушки лаванды и розмарина. Матильда говорила, что здесь растет все. Эта земля – благословение для цветов.

Скворцы уже вовсю насвистывали свои песенки, Матильда заметила двух дроздов, кото-рые носились по траве, подсакивая и тыча в землю оранжевыми клювами. У одного из них на голове сверкали белые перышки, и Матильда подумала: интересно, сородичи из-за этого под-нимают его на смех или, наоборот, больше уважают? «Ничего-то мы не знаем о жизни дроз-дов», – рассудила Матильда.

Она услышала шум мотора и голоса работников. На дорожке, ведущей в сад, появилось гигантское желтое чудовище. Сначала Матильда увидела длинную железную руку с огромным механическим ковшом на конце. Агрегат был таким широким, что с трудом проходил между рядами олив, и работники истошно кричали, направляя водителя, потому что ползущий впе-ред экскаватор ломал ветки деревьев. Наконец машина остановилась, и снова воцарилось спо-койствие.

Сад был ее логовом, ее убежищем, ее гордостью. Она играла там со своими детьми. Они все вместе спали днем под плакучей ивой, устраивали пикники в тени бразильской гевеи. Она научила их искать всякую живность, скрывавшуюся в траве и кустах. Находить сов и летучих мышей, хамелеонов, которых дети сажали в картонные коробки, а потом, спрятав под кровать, забывали про них, и те умирали. Дети выросли, им наскучили их игры и ее нежность, и теперь она приходила сюда, чтобы забыть об одиночестве. Сажала, пересаживала, подрезала, сеяла. Научилась распознавать голоса птиц, поющих в разное время суток. Как могла она нынче меч-

тать о том, чтобы здесь все перевернули вверх дном? Как могла желать гибели тому, что любила?

Работники вошли в сад и воткнули колышки, обозначив прямоугольник двадцать на пять метров. Они старались ступать как можно осторожнее, чтобы не растоптать ее цветы резиновыми сапогами, и их аккуратность, такая трогательная, но совершенно бесполезная, умилила Матильду. Они подали знак водителю экскаватора, тот выбросил сигарету в окно кабины и завел мотор. Матильда вздрогнула и закрыла глаза. Когда она их открыла, гигантский металлический ковш уже вгрызлся в землю. Чудовищная клешня погружалась в черную почву, испускавшую густой запах мха и перегноя. Огромная лапища безжалостно выдирала все на своем пути, и вскоре рядом с ямой образовался высокий холм из земли и камней, усыпанный безжизненными деревьями и цветами с оторванными головками.

Железная рука – это рука Амина. Так думала Матильда в то нескончаемое утро, неподвижно стоя у окна гостиной. Она удивилась, отчего муж не пожелал лично присутствовать и смотреть, как будут одно за другим погибать цветы и деревья. Он заявил, что котлован можно выкопать только здесь, и более нигде. Что вырыть его следует чуть ниже дома, на самом солнечном участке. Да, как раз там, где растет сирень. Там, где когда-то рос «апельмон»².

Сначала он отказался наотрез. Денег у них на это нет, и точка. К тому же вода здесь на вес золота, и нечего тратить ее попусту, ради забавы. Он сердито прорычал это «нет», ему претила идея устраивать непристойное зрелище на глазах у нищих крестьян. Что они подумают о том, какое воспитание он дает сыну и какие вольности позволяет собственной жене, когда увидят, что она, полуголая, плещется в бассейне? Чем он в таком случае лучше бывших французских поселенцев и морально прогнивших буржуа, которые наводнили страну и бесстыдно выставляют напоказ свое благосостояние?

Однако Матильда не сдавалась. Она отметала все его возражения. Год за годом гнула свою линию. Каждое лето, когда начинал дуть пустынный шерги и от невыносимой жары расходились нервы, она, к крайней досаде мужа, вновь заводила разговор о бассейне. Она считала, что Амин просто ее не понимает, потому что не умеет плавать и боится воды. Она ластилась к нему, ворковала, умоляла. Разве это стыдно – демонстрировать свою успешность? Они не делали ничего плохого и имеют право наслаждаться жизнью, ведь их лучшие годы потрачены на войну, а потом на освоение этой земли. Она хочет бассейн: он станет компенсацией за ее самопожертвование, за одиночество и утраченную молодость. Теперь им обоим за сорок, и они никому ничего не должны доказывать. У всех их соседей-фермеров, по крайней мере у тех, кто придерживается современных взглядов, есть бассейны. Или он предпочитает, чтобы его жена привлекала к себе всеобщее внимание, посещая муниципальный бассейн?

Она льстила ему. Восхищалась его успехами в выведении новых сортов олив и экспорте цитрусовых. Она думала, что, если придет и встанет перед ним вот такая – с розовыми пылающими щеками, с прилипшими к потным вискам волосами, с венозной сеточкой на ногах, – то сумеет его уговорить. Она напомнила ему, что всем, чего они добились, они обязаны своему труду, своему упорству. Он поправил ее:

– Работал-то я. И мне решать, как распорядиться деньгами.

² «Апельмоном» дочь Амина и Матильды Аиша в детстве называла апельсиновое дерево, к которому Амин привил ветку лимона. См. первую книгу трилогии «Рождество под кипарисами».

Когда он произнес эти слова, Матильда не расплакалась, не разозлилась. Усмехнулась про себя, подумав о том, как много она сделала для мужа, для фермы, для работников, которых лечила. Вспомнила, сколько времени отняли у нее воспитание детей, поездки с ними на уроки танцев и музыки, проверка домашних заданий. Несколько лет назад Амин поручил ей вести бухгалтерию фермы. Она составляла счета, выдавала зарплату, рассчитывалась с поставщиками. А иногда – да, порой и такое случалось – оформляла поддельные счета. Вносила изменения в какую-нибудь строчку, вписывала несуществующего работника или дополнительный заказ. И складывала пачки купюр, стянутые бежевой резинкой, в ящик стола, ключ от которого имелся только у нее. Она делала это так давно, что уже не испытывала стыда и не боялась, что ее секрет раскроют. Сумма росла, и она полагала, что вполне заслуженно удерживает эти деньги как пошлину, хоть отчасти компенсирующую ее унижение. Что имеет право на эту маленькую мечь.

Матильда постарела и, наверное, по его вине – да, именно по его вине – выглядела старше своих лет. Кожа на лице, постоянно страдавшая от солнца и ветра, загубела. На лбу и в уголках глаз залегли морщины. Даже зеленые глаза потускнели, как будто выгорели, словно поношенное платье. Она потолстела. Однажды в знойный день она, чтобы подразнить мужа, схватила садовый шланг и на виду у служанки и работников окатила себя водой с головы до ног. Одежда облепила тело, стали видны затвердевшие от холода соски и густая поросьль на лобке. В тот день работники, проводя языком по почерневшим зубам, молили Всевышнего, чтобы Амин не потерял рассудок. Почему она такое вытворяет? Она ведь взрослая женщина! Да, действительно, детей в жару иногда поливают водой, если они перегрелись на жгучем солнце и вот-вот потеряют сознание или начинают бредить. Обычно им велят зажать нос и закрыть рот, потому что от воды из колодца можно заболеть и даже умереть. Матильда была как ребенок и, как все дети, умела без усталости ныть и клянчить. Она напоминала Амину, как они когда-то были счастливы, как отдыхали на море, в домике Драгана в Мехдии. Кстати, заметила она, Драган устроил бассейн у своего городского дома:

– Почему у Коринны есть то, чего нет у меня?

Она внушила себе, что именно этот довод заставил Амина сдаться. Она произнесла эту фразу жестко и уверенно, тоном опытного шантажиста. Матильда полагала, что в 1967 году у Амина с Коринной была связь и длилась она несколько месяцев. Матильда была в этом уверена, несмотря на то что ни разу не нашла никаких доказательств, кроме незнакомого запаха и следа от помады на его рубашках – гадких, пошлых улик, на которые нежданно-негаданно натываются жены. Нет, у нее не было доказательств, но это бросалось в глаза, как будто между этой парочкой догорало невидимое пламя и вскоре ему предстояло погаснуть, а пока что приходилось терпеть его жар. Однажды Матильда довольно неуклюже попыталась посвятить в эту историю Драгана. Но доктор как истинный философ стал с течением времени еще более снисходительным и сделал вид, будто ничего не понял. Он не пожелал опускаться до мелочности и в союзе с пылающей гневом Матильдой вести войну, которую считал бесполезной. Матильда так и не узнала, сколько времени Амин провел в объятиях Коринны. Как не узнала и о том, была ли между ним и этой женщиной любовь, говорили ли они друг другу нежные слова, или, наоборот – что было бы еще хуже, – ими владела молчаливая плотская страсть.

С возрастом Амин стал еще красивее. Виски его побелели, он отпустил тонкие усики, черные с легкой проседью, и стал походить на Омара Шарифа. Он носил темные очки, словно кинозвезда, и почти никогда их не снимал. Но не только смуглое лицо, волевой подбородок, скупая улыбка, открывавшая белоснежные зубы, – не только это делало его таким красивым. С годами он стал выглядеть еще более мужественно. В его движениях появилось больше свободы, в голосе – больше глубины. Теперь его скованность принимали за сдержанность, суровость придавала ему сходство с диким зверем, который вроде бы безучастно лежит на песке, а сам готов одним прыжком сбить с ног свою жертву. Он не вполне понимал, насколько велика его

привлекательность, и осознавал ее постепенно, по мере того как она набирала силу как будто помимо его воли, как будто существовала отдельно от него. Он держался так, словно сам себе удивляется, и в этом, скорее всего, заключался его успех у женщин.

Амин обрел уверенность в себе, разбогател. Отныне его уже не мучила бессонница, он не смотрел долгими ночами в потолок, подсчитывая свои долги. Ему больше не мерещилось, что он на грани разорения, что дети его пойдут по миру, а семья будет опозорена. Амин просто спал. Кошмары теперь его не посещали, он стал уважаемым человеком в городе. С некоторых пор их с Матильдой приглашали на все приемы, с ними жаждали познакомиться, жаждали бывать у них в гостях. В 1965 году им предложили вступить в местный Ротари-клуб, и Матильде стало известно, что случилось это вовсе не благодаря ей, а благодаря ее мужу и что этому поспособствовали жены членов клуба. Молчаливого Амина окружали нежной заботой. Женщины приглашали его танцевать, прижимались щечкой к его щеке, клали его ладонь себе на бедро, и хотя он не умел связать двух слов и был не особенно ловким танцором, ему порой казалось, что для него вполне возможна такая жизнь – легкая, как шампанское, которым пахли губы этих женщин. Бывая на этих приемах, Матильда ненавидела себя. Ей казалось, что она слишком много говорит, слишком много пьет, а потом еще долго, по нескольку дней, ее мучил стыд за свое поведение. Она воображала, будто ее осуждают, считают дурой и пустышкой, презирают за то, что она смотрит сквозь пальцы на измены мужа.

Конечно же, члены клуба настойчиво приглашали Амина присоединиться к ним, проявляли к нему доброжелательность и внимание в первую очередь потому, что он был марокканцем, а ротарианцы, принимая в свои ряды арабов, хотели показать, что эпоха колониализма, эпоха двух параллельных миров, наконец закончилась. Многие из них, разумеется, уехали из страны осенью 1956 года, когда разъяренная толпа выплеснулась на улицы и дала волю кровавому безумию. Был сожжен кирпичный завод, людей убивали прямо на улицах, и иностранцы поняли, что отныне они здесь чужие. Некоторые сразу собрали чемоданы и уехали, покинув квартиры, где мебель покрывалась пылью, прежде чем их выкупали марокканские семьи. Собственники расставались со своими владениями и плодами многолетнего труда, бремя которого когда-то на себя взвалили. Амин гадал, кто эти люди, решившие вернуться домой, – трусы или провидцы? Однако эта волна отъездов была лишь недолгим отступлением от основной темы. Восстановлением равновесия, перед тем как вернуть жизнь в нормальное русло. Прошло десять лет после провозглашения независимости, и Матильда вынуждена была признать, что в Мекнесе мало что изменилось. Никто не знал новых, арабских, названий улиц, все по-прежнему назначали встречи на улице Поля Думера или улице Ренн, напротив аптеки месье Андре. Сидел на прежнем месте нотариус, остались галантерея с ее прежней хозяйкой, парикмахер со своей женой, дантист, врачи, а на авеню Республики – все тот же модный магазин готового платья с теми же владелицами. Все хотели, как и раньше, наслаждаться жизнью в этом прелестном цветущем городе, только стараясь соблюдать приличия и проявляя чуть больше осмотрительности. Нет, не было никакой революции, всего лишь немного изменилась атмосфера, все стали сдержаннее, создавалась видимость согласия и равенства. Во время ужинов в Ротари-клубе, где за столиками сидели вместе марокканские буржуа и европейцы, могло показаться, что колонизация – всего лишь досадное недоразумение, ошибка, в которой французы раскаиваются, а марокканцы делают вид, будто о ней не помнят. Некоторые настойчиво твердили, что никогда не были расистами и вся эта история их страшно смущает. Они клялись, что теперь, когда город избавился от этой заразы, у них словно камень с души свалился, все окончательно прояснилось и они тоже могут вздохнуть свободно. Иностранцы тщательно подбирали слова. Они решили не уезжать, потому что не хотят разорения страны, ведь она нуждается в них. Конечно, настанет день, когда аптекарями, дантистами, врачами и нотариусами станут марокканцы, и тогда европейцы охотно уступят им место и уедут. А до тех пор они останутся здесь и постараются быть полезными. К тому же они не так уж отличались от марокканцев, сидевших

с ними за одним столиком. От элегантных раскованных мужчин, полковников и чиновников высокого ранга, чьи жены носили европейские наряды и короткие стрижки. Нет, те точно так же, как французские буржуа, без всякой задней мысли, не испытывая чувства вины, позволяли босоногим детишкам таскать за ними покупки на центральном рынке. Отмахивались от просящих подаяние нищих, «потому что они, как собаки, кормящиеся объедками со стола, привыкают к подачкам и постепенно теряют охоту преодолевать свою лень и работать». Французы никогда не посмели бы заявить, что склонность простых людей жаловаться и попрошайничать кажется им обременительной. Французы никогда не посмели бы, в отличие от марокканцев, обвинять горничных в склонности к воровству, садовников – в лени, а всех бедняков поголовно – в отсталости. Когда их мекнесские друзья горько сетовали на то, что почти невозможно построить современное государство с таким малограмотным народом, французы только неестественно громко смеялись. Эти марокканцы по сути были такими же, как они. Говорили на том же языке, точно так же смотрели на мир, и трудно было себе представить, что когда-нибудь они могли бы оказаться в разных лагерях и стать врагами.

Амин поначалу держался настороженно.

– Быстро же они переобулись, – говорил он Матильде. – Давно ли я был для них крысенышем³, арабским отродьем? А теперь так и стелются передо мной: «Месье Бельхадж то, месье Бельхадж сё...»

Однажды вечером, во время ужина с танцами в одном загородном поместье, Матильда убедилась в его правоте. Моник, жена парикмахера, перебрала спиртного, и посреди разговора у нее вырвалось слово «бико»⁴. Она прикрыла руками рот, как будто хотела запихнуть обратно вылетевшее из него оскорбительное выражение, испуганно ойкнула, вытаращив глаза и густо покраснев. Никто кроме Матильды ее не слышал, но Моник еще долго рассыпалась в извинениях. Она твердила:

– Поверь, я совсем не то хотела сказать. Не знаю, что на меня нашло.

Матильда так никогда и не узнала наверняка, что же заставило Амина принять решение. Но в апреле 1968 года он сообщил ей, что у них будет бассейн. Сначала вынули грунт, потом залили бетонные стенки, установили систему водяных труб и фильтрации: Амин со знанием дела лично руководил работами. Вдоль бортиков он приказал выложить окантовку из рыжего кирпича, и Матильда вынуждена была признать, что это придало сооружению определенную элегантность. Когда чашу бассейна наполняли водой, они оба при этом присутствовали. Матильда села на раскаленные кирпичи и стала смотреть, как медленно поднимается вода, нетерпеливо, как ребенок, дожидаясь, когда она доберется до ее щиколоток.

Да, Амин сдался. В сущности, он здесь хозяин, он главный, благодаря ему у работников есть кусок хлеба, и не им рассуждать о том, как он живет. К тому моменту, когда была провозглашена независимость, лучшие земли все еще находились в руках французов и основная масса марокканских крестьян жила в нищете. Когда французы установили протекторат над Марокко и приняли меры по улучшению ситуации с санитарией, в стране стала стремительно расти численность населения. За десятилетие независимости земельные наделы крестьян были разделены на такие крошечные доли, что прокормиться с них стало невозможно. В 1962 году

³ Французы презрительно называли североафриканцев крысятами (*les ratons*).

⁴ *Бико* (от *arbitot жарг., франц.*) – расистское прозвище арабов, жителей Магриба.

Амин выкупил часть владений Мариани и земли вдовы Мерсье⁵; та поселилась в городе, в грязноватой квартирке на улице Поэмиро. Амин забрал себе технику, скот, склады и амбары и за скромную цену сдал нескольким работникам с их семьями небольшие участки, которые снабжались водой при помощи оросительных каналов. В окрестностях Амина считали строгим хозяином, человеком упрямым, вспыльчивым, но никто не ставил под сомнение его безупречную честность и чувство справедливости. В 1964 году он получил помощь от министерства на строительство оросительной системы на значительной площади своих земель и покупку современного оборудования. Амин постоянно говорил Матильде: «Хасан Второй понял, что мы прежде всего крестьянская страна и что в первую очередь нужно поддерживать сельское хозяйство».

Когда бассейн был готов, Матильда организовала прием для новых друзей из Ротари-клуба. Целую неделю она готовилась к празднику, который называла *garden-party*⁶. Она наняла официантов и взяла напрокат у одного мекнесского ресторатора, доставлявшего еду на заказ, серебряные блюда, лиможский фарфор и фужеры для шампанского. Она приказала накрыть столики в саду и расставила на них маленькие вазочки с полевыми цветами – дикими маками, ноготками, лютиками, которые с утра нарезали для нее работники. Гости выразили восхищение. Женщины восклицали, что «это прелесть, просто прелесть!». Мужчины, любуясь бассейном, хлопали Амина по спине и говорили: «Ну, Бельхадж, ты молодец!» Когда вынесли мешуи⁷, раздались громкие аплодисменты, а Матильда стала уговаривать гостей есть руками, «как принято у марокканцев». Все накинулись на барашка и, отодвинув поджаристую кожу, вонзились пальцами в плоть, выдирая куски нежного жирного мяса, а затем обмакивая его в соль и кумин.

Обед продолжался до середины дня. Выпивка, жара, мягкие всплески воды расслабляюще действовали на гостей. Драган, прикрыв глаза, мирно клевал носом. Над поверхностью бассейна висела стайка красных стрекоз.

– Этот дом – рай на земле, – с довольным видом произнес Мишель Курно. – Но тебе надо держать ухо востро, дорогой Амин. Хорошо бы королю не появляться в этих местах. Знаете, что мне недавно рассказали?

У Курно было объемистое брюхо, как у беременной женщины, и он, садясь, широко раздвигал ноги и складывал руки на животе. На его пунцовом, налитом кровью выразительном лице лукаво поблескивали маленькие зеленые глазки, сохранившие детское выражение любопытства и придававшие облику Курно нечто трогательное. Под оранжевым зонтом, установленным по распоряжению Матильды, его лицо казалось еще более красным, и Амину, который внимательно на него смотрел, почудилось, что его новый друг вот-вот лопнет. Курно работал в Торговой палате и имел связи в деловых кругах. Он жил то в Мекнесе, то в Рабате, и в Ротари-клубе ценили его чувство юмора и непревзойденное умение рассказывать истории о придворной жизни и столичных интригах. Он щедро делился сплетнями, словно раздавал лакомства голодным детям. В Мекнесе ничего, или почти ничего, не происходило. Приличное общество ощущало себя отрезанным от мира, обреченным на скучный, провинциальный образ жизни. В больших городах на побережье решалось будущее страны, а здесь никто не знал, чего ожидать. Мекнесцам приходилось довольствоваться официальными коммюнике или же слухами о заговорах, мятежах, о гибели Махди Бен Барки⁸ в Париже, о других оппозиционерах, чьи

⁵ Вдова Мерсье – соседка Бельхаджей, на участке которой Амин когда-то тайком спилил кипарис, чтобы устроить Матильде сюрприз на Рождество. После этого отношения соседей несколько не испортились, а, наоборот, стали теплее.

⁶ Прием в саду (англ.).

⁷ Мешуи – традиционное марокканское праздничное блюдо, барашек, жаренный целиком на деревянном шесте, приправленный оливковым маслом, травами и пряностями.

⁸ Аль-Махди Бен Барка (1920–1965) – левый политический деятель Марокко, непримиримый противник Хасана II. Во время парламентских выборов 1963 г. почти четверть избирателей проголосовала за возглавляемый им Национальный союз народных сил (UNFP), левую партию социалистов и республиканцев. В 1965 г. Бен Барка, заочно приговоренный к смертной казни, был похищен и убит во Франции.

имена никогда не произносились вслух. Большинство жителей Мекнеса не догадывались, что страна уже три года живет в режиме чрезвычайного положения, что парламент распущен, а действие конституции приостановлено. Разумеется, всем было известно, что начало царствования Хасана Второго оказалось тяжелым, что ему пришлось столкнуться с оппозицией, и она становилась все более радикальной. Но кто мог с уверенностью сказать, где правда, а где ложь? Власть была сосредоточена в некоем отдаленном, скрытом за непроницаемой завесой месте, одновременно пугающем и притягательном. Женщинам в особенности нравилось слушать истории о гареме, где король держал три десятка наложниц. Они представляли себе роскошные, как в голливудских фильмах-пеплумах, празднества за высокими стенами, во внутреннем дворе дворца, где для гостей потомка Пророка рекой льются шампанское и виски. Курно с удовольствием потчевал их такого рода рассказами.

Он вперевалку подошел к столу и заговорил тоном заговорщика. Все гости наострили уши, за исключением Драгана: тот спал, и у него только слегка подрагивали губы.

– Представляете себе, несколько недель назад король проезжал на автомобиле мимо красивого поместья. Было это, кажется, в Гарбе, ну, точно не знаю. Как бы то ни было, место ему очень понравилось. Он сказал, что хочет посетить сельскохозяйственное предприятие и познакомиться с владельцем. Не успел никто и глазом моргнуть, как король купил это имение, назначив за него цену, какую сам захотел. Бедняга хозяин даже не посмел рта раскрыть.

Засмеялись все, кроме Амина. Он не любил, когда люди сплетничают, когда плохо говорят о монархе, который, взойдя на престол в 1961 году, сделал первоочередной задачей развитие сельского хозяйства.

– Все это просто слухи, – произнес он. – Злонамеренные рассказы, высосанные из пальца завистливыми людьми. Правда состоит в том, что король – единственный, кто понял, что Марокко можно превратить в новую Калифорнию. Вместо того чтобы распускать лживые слухи, лучше бы эти болтуны порадовались тому, что власти начинают планомерно сооружать плотины и запускают программу орошения земель: это позволит любому крестьянину зарабатывать себе на жизнь.

– Это всего лишь иллюзии, – отрезал Мишель. – По моим сведениям, молодой король львиную долю времени тратит на долгие ночные празднества и партии в гольф. Не хочу тебя разочаровывать, дорогой Амин, но, рассуждая о любви к феллахам, он только пудрит всем мозги. Дешевый политический прием, чтобы переманить на свою сторону селян из глухой провинции. В противном случае он уже начал бы настоящую земельную реформу и раздал наделы миллионам неимущих крестьян. В Рабате прекрасно знают, что земли на всех не хватит.

– А что ты думал? Что власти разом национализуют все колониальные земли и разорят страну? – сердито возразил Амин. – Если бы ты хоть немного разбирался в том, чем занимаюсь я, то знал бы, что король прав, действуя постепенно. Что они там, в Рабате, понимают? Потенциал нашего сельского хозяйства огромен. Производство зерновых растет с каждым годом. Я, например, отправляю на экспорт вдвое больше цитрусовых, чем десять лет назад.

– Именно поэтому тебе лучше быть настороже. Завтра к тебе могут прийти, отобрать твои владения и раздать по кусочкам безземельным феллахам.

– Это меня не беспокоит. Пусть бедные богатеют. Только не в ущерб таким, как я, – тем, кто долгие годы работал, создавая рентабельные сельскохозяйственные предприятия. Крестьяне всегда были и будут самой надежной опорой трона.

– Ну вот! Как говорится, твои бы слова да Богу в уши, – подхватил Мишель. – Но если хочешь знать мое мнение, этому королю только бы плести интриги. Экономике он отдал на откуп крупным предпринимателям, те благодаря ему набивают карманы и повсюду твердят, что в Марокко никто, кроме короля, не имеет права голоса.

Амин откашлялся. Несколько секунд он пристально рассматривал пунцовую физиономию гостя, его волосатые руки. Ему вдруг захотелось застегнуть пуговицу на воротнике рубашки Курно и посмотреть, как тот будет задыхаться.

– Лучше бы тебе повнимательней следить за своими словами. За такие разговоры тебя могут выслать.

Мишель вытянул ноги. Казалось, он вот-вот свалится со стула и разобьется о землю. На лице у него застыла натянутая улыбка.

– Я не хотел тебя обидеть, – извинился он.

– Ты меня и не обидел. Я сказал это ради твоего же блага. Ты все твердишь, что хорошо знаешь эту страну, что она для тебя – как дом родной. Значит, тебе должно быть известно, что не все здесь можно произносить вслух.

На следующий день Амин повесил у себя в кабинете снимок в золоченой раме. Черно-белую фотографию, на которой Хасан Второй во фланелевом костюме серьезно смотрит куда-то вдаль. Он поместил фото между схемой обрезки виноградной лозы и статьей о ферме, где Амина перевозили как первопроходца в выращивании оливок. Амин подумал, что портрет короля будет внушать почтение клиентам и поставщикам или пришедшим с жалобами работникам. Те обычно подолгу ныли, положив грязные руки на его письменный стол и подняв к нему грубые худые лица, залитые слезами. Они сетовали на нужду. Смотрели наружу через застекленную дверь, всем своим видом давая понять, что он-то, Амин, счастливчик, а они нет. Ему невдомек, что значит быть простым крестьянином, работягой, у которого только и есть что клочок земли да две курицы, а надо кормить большую семью. Они просили выплатить аванс, или замолвить перед кем-нибудь словечко, или дать кредит, но Амин им отказывал. Советовал взять себя в руки и не сдаваться, как он сам, когда только начинал создавать свое предприятие.

– Как вы думаете, откуда все это взялось? – вопрошал он, вытянув руку. – Думаете, мне просто повезло? Везение тут совсем ни при чем.

Он мельком взглянул на фотографию монарха и решил, что эта страна слишком много ждет от *makhzen*⁹ и людей, обладающих властью. Труженики, крепко стоящие на ногах крестьяне, марокканцы, гордящиеся тяжело завоеванной независимостью, – вот кто нужен королю.

Его предприятие расширялось, и нужно было нанимать людей для работы в теплицах и сбора оливок. Он отправил Мурада на поиски по окрестным дуарам, вплоть до Азру и Ифрана. Его помощник вернулся в сопровождении толпы отощавших мальчишек, выросших среди луковых полей и не нашедших работы. Амин расспросил каждого о том, что он умеет. Провел по теплицам, складам, объяснил, как обращаться с прессом для оливок. Мальчишки молча, покорно шли за ним. Не задавали никаких вопросов, кроме как о зарплате. Двое попросили аванс, остальные, осмелев, по примеру товарищей сказали, что им аванс тоже не помешал бы. Амину потом не пришлось жаловаться на работу этих молодых людей: они выходили на рассвете и трудились до изнеможения и под дождем, и под палящим солнцем. Однако спустя несколько месяцев некоторые из них испарились. Положили в карман зарплату, и их и след простыл. Они не пытались здесь обосноваться, завести семью, произвести хорошее впечатление на хозяина и получить прибавку. В голове у них была только одна мысль: зарабо-

⁹ *Makhzen* (от глагола *khazana* – прятать, оберегать) в просторечии обозначает государственную власть и ее представителей и, в более узком смысле, короля и его приближенных. (Прим. автора.)

тать немного денег и сбежать из деревни, подальше от нищеты. От убогих хижин, зловония куриного помета, тоскливых засушливых зим, женщин, которые умирали в родах. Все дни, что они проводили под оливами, трясая ветки и собирая в сетку зеленые плоды, они шепотом, как заклинание, повторяли: поехать в Касабланку или Рабат, поселиться в трущобах, где живет их дядя или еще какой-нибудь родственник, который уехал туда искать счастья, но с тех пор как в воду канул.

Амин наблюдал за ними. В их взгляде он заметил нетерпение и ярость, каких прежде не видел, и это напугало его. Эти парни проклинали землю. Ненавидели работу, которой им поневоле приходилось заниматься. И Амин решил, что его задача – не только растить деревья и собирать плоды, но и удержать здесь молодых ребят. Теперь все вокруг хотели жить в городе. Юнцами полностью завладевала абстрактная навязчивая идея жить в городе, хотя чаще всего они ничего о нем не знали. Город неумолимо приближался, словно крадущийся хищный зверь. С каждой неделей он становился все ближе, его огни поглощали поля. Город был живым существом. Он дрожал, перемещался в пространстве, притаскивая с собой слухи и пагубные мечты. Порой Амину казалось, что мир скоро исчезнет – или, по крайней мере, один из взглядов на мир. Даже фермеры стремились стать горожанами. Новые землевладельцы, дети независимости, говорили о деньгах как промышленники. Они слыхом не слыхали о слякоти, о морозе, о сиреневых рассветах, когда идешь между рядами цветущего миндаля, и счастье жить среди природы кажется таким же естественным, как собственное дыхание. Они ничего не знали о бедствиях, которые приносит стихия, о том, сколько нужно упорства и оптимизма, чтобы по-прежнему верить в круговорот времен года. Нет, они довольствовались тем, что, хвастаясь своей землей, катались по ней на машине и показывали ее восхищенным гостям, так и не удосужившись хоть что-нибудь о ней узнать. Амин от души презирал этих горе-фермеров, которые нанимали управляющих, а сами предпочитали жить в городах, обрастать знакомствами, веселиться на светских праздниках. В этой стране, которую столетиями кормили земля и войны, теперь говорили только о городе и прогрессе.

Амин начал ненавидеть город. Его желтые огни, грязные тротуары, затхлые лавчонки, широкие бульвары, по которым бесцельно слонялись молодые люди, засунув руки в карманы, чтобы скрыть эрекцию. Город и разинутые пасти кафе, пожиравшие целомудрие юных девушек и работоспособность мужчин. Город, где танцевали всю ночь напролет. С каких пор у людей появилась потребность танцевать? Разве это не глупость, думал Амин, разве это не нелепица – всеобщая тяга постоянно что-то праздновать? В сущности, Амин ничего не знал о больших городах, последний раз, когда он ездил в Касабланку, страной еще управляли французы. Также он толком не разбирался в политике, не тратил время на чтение газет. Всем, что знал, он был обязан брату Омару, который теперь жил в Касабланке и занимал высокий пост в спецслужбах. Омар иногда проводил воскресенья на ферме, где все работники, а вместе с ними Матильда и Селим, его боялись. Он еще больше исхудал, здоровье его оставляло желать лучшего. Лицо и руки были покрыты пятнами. На длинной иссохшей шее с усилием двигался кадык, словно Омар никак не мог проглотить слюну. Из-за слабого зрения Омар не водил машину и просил своего водителя Браима высаживать его у ворот поместья. Рабочие кидались к роскошной машине, а Браим с криками отгонял их. Омар занимал важную должность, хотя никогда ее не добивался. Он не вдавался в подробности своей работы, только однажды вскользь упомянул, что сотрудничает с Моссадом и ездил в Израиль, где, как сообщил он брату, «апельсиновые плантации ничуть не уступают нашим». На вопросы Амина Омар отвечал уклончиво. Да, он предотвратил заговор против короля, десятки раз производил аресты. Да, в этой стране – в трущобах, в университетах, в старых густонаселенных городах – скрывается множество безумцев и убийц, призывающих к революции. «Маркс да Нитша», – злобно шипел он, поминая отца коммунизма и намеренно коверкая имя немецкого философа. Он с грустью вспоминал годы борьбы за независимость, когда всех объединяли общие стремления, общая идея наци-

анализма, которую, как ему представлялось, нужно возродить. В конце концов Омар убедил Амина. Города таят в себе опасность, это места подозрительные. И король совершенно прав, что предпочитает пролетариям крестьян.

В мае 1968 года Амин каждый вечер слушал по радио обзоры событий во Франции. Он тревожился за дочь, которую не видел уже больше четырех лет: она училась на врача в Страсбурге. Он и мысли не допускал, что друзья или знакомые могут оказать на нее дурное влияние, потому что Аиша была похожа на него: упрямая, молчаливая, она интересовалась только работой. Однако он боялся за нее, за свою дочь, свою малышку, свою гордость и радость, очутившуюся посреди хаоса. Он так никому и не признался в том, что соорудил бассейн только ради нее, ради Аиши. Чтобы она могла гордиться отцом, чтобы ей, будущему врачу, было не стыдно в один прекрасный день пригласить на ферму своих друзей. Он не хвастался успехами дочери. А Матильде сухо напоминал: «Ты себе не представляешь, насколько люди завистливы: сами готовы окрипеть, лишь бы другие ослепли». Благодаря дочери, своей любимой девочке, он стал кем-то иным. Она помогала ему возвыситься, вырваться из тоскливой, заурядной жизни. Когда он думал о ней, его охватывало сильнейшее волнение, в груди разливался жар, так что приходилось открывать рот и дышать глубже. Аиша первой в его семье получала образование. Каких далеких предков ни вспоминай, никто из них не обладал такими знаниями, как она. Все они пребывали в невежестве, во мраке, покорные стихиям, зависимые от других. Они умели жить только сегодняшним днем, принимать все как должное и терпеть. Они преклоняли колени перед султанами и имамами, перед хозяевами и армейскими полковниками. Амину казалось, что с тех пор, как существуют Бельхаджи, начиная с глубоких корней его рода, все его предки проживали какую-то бессмысленную жизнь, из поколения в поколение передавая примитивные знания и простые истины – совсем не те, что содержались в книгах, которые читала Аиша. Уходя из жизни, его предшественники знали только то, чему научились на собственном опыте.

Он попросил Матильду написать дочери, чтобы она возвращалась домой как можно быстрее. Экзамены все равно перенесли, так что ей нечего делать там, в этой стране, где все рушится¹⁰. Скоро приедет Аиша, и они с ней будут гулять по плантациям персиков, между рядами миндальных деревьев. Раньше она умела безошибочно определять, какое дерево будет давать плоды с горчинкой. Амин никогда не соглашался сразу его рубить. Он говорил, что надо дать ему шанс, подождать следующего цветения, не переставать надеяться. Препятствие, упрямое дитя, теперь стала врачом. У нее есть паспорт, она знает английский и, что бы ни случилось, будет более разумной, чем мать, и ей не придется всю жизнь что-нибудь клянчить. Аиша сама будет строить бассейны для своих детей. Она-то будет знать, с каким трудом зарабатываются деньги.

После уроков Селим уехал из лицея и поставил мопед у водно-спортивного клуба. Вошел в раздевалку: там голые мальчишки, сбившись в стайку, развлекалась тем, что лупили друг друга портфелями. Кое-кого из них Селим узнал, они вместе учились в выпускном классе лицея иезуитов. Поздоровался с ними, пошел к своему железному шкафчику и стал неспешно раздеваться. Скатал клубочком носки. Сложил брюки и рубашку. Повесил ремень. Оставшись

¹⁰ Речь идет об общественно-политическом кризисе во Франции в мае 1968 г., начавшемся со студенческих волнений и перешедшем во всеобщую забастовку. В результате произошла смена правительства, а менее чем через год ушел в отставку президент Шарль де Голль.

в одних трусах, посмотрел на себя в маленькое зеркало на дверце шкафчика. С некоторых пор ему стало казаться, что его тело стало ему чужим. Как будто он переселился в чье-то другое тело, тело человека, о котором ничего не знает. Его грудь, ноги, ступни покрылись светлыми волосками. Благодаря упорным тренировкам грудные мышцы стали мощными, выпуклыми. Он уже на десять сантиметров обогнал в росте мать и все больше походил на нее. Селим унаследовал от Матильды светлый цвет волос, широкие плечи и любовь к физической активности. Это сходство смущало его, стесняло, как одежда, из которой он вырос, но от которой невозможно избавиться. В зеркале он видел улыбку матери, ее линию подбородка, и у него возникало ощущение, будто Матильда целиком завладела им и неотступно его преследует. И никогда ему с ней не расстаться.

Его тело не только изменилось внешне. Теперь оно настойчиво заявляло о каких-то желаниях, порывах, болях, прежде ему неведомых. Ночные видения не имели ничего общего со светлыми детскими снами, они пропитывали его, словно яд, отравляя день за днем. Да, он был теперь высоким, сильным, но за обретение мужского тела пришлось заплатить спокойствием. Отныне в нем поселилась тревога. Тело приходило в трепет по любому пустяку. Потели ладони, по затылку пробегала дрожь, член напрягался. Взросление воспринималось им не как победа, а как разрушение.

Раньше работники на ферме любили подтрунивать над Селимом. Гонялись за ним по полю, смеясь над его тощими ногами и белой кожей, постоянно сгоравшей на солнце. Называли его младенчиком, заморышем, а иногда, чтобы позлить, даже немцем. Селим был обыкновенным мальчишкой, таким же, как другие, никто не заметил бы его в толпе сверстников: он ничем от них не отличался. Мог подхватить вшей, прислонившись белобрысой головой к голове сына пастуха. Однажды заразился чесоткой, как-то раз его покусала собака, он нередко играл с мальчишками из окрестных сел в непристойные игры. Работники и работницы звали его поесть вместе с ними, и никому не приходило в голову, что это сын хозяина и их еда ему не подходит. Ребенку, чтобы расти, нужен кусок хлеба, политый оливковым маслом, и сладкий чай. Женщины щипали его за щеки и восторгались его красотой: «Ты мог бы сойти за бербера. Настоящий рифиец¹¹: глаза зеленые, на лице веснушки». В общем, явно не из здешних мест, сделал вывод Селим.

Несколько месяцев назад один из работников назвал его «сиди» – господином и почтительно поклонился, чего Селим никак не ожидал. Он был ошеломлен и даже не понял, что в тот миг почувствовал: гордость или смущение, как будто был самозванцем. Сегодня ты ребенок. А завтра – мужчина. И вот тебе уже говорят: «Мужчины так не поступают», или: «Ты уже взрослый, веди себя, как подобает мужчине». Только что был ребенком и вдруг перестал, резко, одним махом, и никто не удосужился ничего объяснить. Его изгнали из мира нежности, ласковых слов, из мира, где ему все прощалось, выбросили в мужскую жизнь – безжалостно, без всяких объяснений. В этой стране подростков не было. Не хватало ни времени, ни места для долгих метаний этого нестабильного возраста, этого мутного периода неопределенности. Это общество ненавидело любые формы двойственности и с подозрением взирало на будущих взрослых: в их глазах они были кем-то вроде отвратительных существ из древних мифов – сатиров с торсом юноши и козлиными ногами.

Наконец раздевалка опустела, он снял трусы и достал из сумки небесно-голубые плавки, подаренные матерью. Пока он их надевал, ему пришло в голову, что он никогда не видел пенис своего отца. От этой мысли он покраснел, и лицо его запылало. Как выглядит его отец голым? Когда они были маленькими, Амин иногда возил их на море, в домик доктора Палоши и его жены Коринны. Со временем он стал просто отвозить их и оставлять там, потом забирал спустя две-три недели. Он никогда не ходил на пляж и не надевал плавки. Заявлял, что слишком занят

¹¹ *Рифийцы* (или рифы, рифии) – одно из племен берберов, населяющее горную область Эр-Риф на севере Марокко.

и что не может позволить себе такую роскошь, как отпуск. Но Селим слышал, как Матильда уверяла, будто Амин боится воды и не остается с ними на море, потому что не умеет плавать.

Веселье. Каникулы. Так же как Селим ни разу не видел пенис своего отца, он не мог припомнить, чтобы Амин хоть когда-нибудь отдыхал, играл, расслаблялся, смеялся или спал после обеда. Отец вечно ругал бездельников, лентяев, никчемных людей, не ценящих труд и тратящих время на нытье. Увлечение Селима спортом он считал нелепой прихотью: это относилось и к занятиям в водно-спортивном клубе, и к футбольным матчам, в которых Селим участвовал в составе своей команды каждые выходные. Селиму казалось, что с тех пор, как он себя помнил, отец всегда поглядывал на него неодобрительно.

В присутствии отца он цепенел, замирал. Стоило только ему узнать, что Амин где-то неподалеку, как он переставал быть самим собой. Честно говоря, на него так действовали вообще все окружающие. Мир, в котором он жил, смотрел на него глазами отца, и Селиму казалось, что стать свободным здесь невозможно. Этот мир был полон отцов, к коим следовало проявлять почтение: Бог, король, герои борьбы за независимость, труженики. Любой человек, вступая с тобой в разговор, спрашивал не твое имя, а осведомлялся: «Чей ты сын?»

С годами, по мере того как становилось все более очевидно, что Селим не будет крестьянином, как его отец, юноша все меньше чувствовал себя сыном Амина. Он иногда думал о ремесленниках на узких улочках медины, о молодых ребятах, которых они обучали в своих подвальных мастерских. Будущие жестянщики, ткачи, вышивальщики, плотники относились к своим хозяевам с глубоким почтением и благодарностью. Так устроен мир: старшие передают свое мастерство младшим, и прошлое вливается в настоящее. Поэтому было принято целовать плечо или руку своего отца, склоняться в его присутствии и выражать ему полную покорность. От этой обязанности человек избавлялся только в тот день, когда сам становился отцом и, в свою очередь, получал право кем-то повелевать. Жизнь походила на придворную церемонию, когда подданные приносят клятву верности монарху, и все видные сановники, все вожди племен, все эти гордые, красивые мужчины в белых джеллабах и бурнусах целуют руку короля.

Тренер в клубе уверял, что Селим может стать чемпионом, если будет заниматься в полную силу. Но Селим не имел ни малейшего представления о том, кем он мог бы стать. Он не любил учиться. Его преподаватели-иезуиты осуждали его за лень и апатию. Он не безобразничал, не дерзил взрослым, только опускал глаза, когда ему совали под нос его никауда не годные письменные работы. У него было такое чувство, словно он очутился в не подходящем для него мире, в неподходящем месте. Как будто кто-то по ошибке привез его сюда, в этот скучный, дурацкий городок, населенный мелочными, ограниченными людьми. Школа была для него пыткой. Ему стоило невероятного труда сосредоточиться на книгах и тетрадках. Его душа рвалась наружу, к деревьям во дворе, пылинкам, танцевавшим в солнечных лучах, к девочке за окном, заметившей его и одарившей улыбкой. Самые страшные мучения причиняла ему математика. Он не понимал ровным счетом ничего. В голове у него все смешивалось в бесформенную массу, и от этого хотелось кричать. Когда преподаватель его вызывал, Селим только бормотал что-то невнятное, и вскоре его заглушали смешки одноклассников. Мать прочитала кипу книг на эту тему. Она хотела показать его специалистам. Селим чувствовал себя напряженным, скованным, несвободным. Ему казалось, что он живет в пыточной клетке, где нельзя ни встать во весь рост, ни лечь и вытянуться.

Плавая в бассейне, он обретал покой и ясность мысли. Ему необходимо было измотать себя. В воде, когда его заботило только одно – дышать и быстро плыть, – он мог собраться с мыслями. Как будто находил нужную частоту, нужный ритм, и между телом и душой устанавливалась гармония. В тот день, пока он раз за разом проплывал по дорожке туда и обратно под неусыпным надзором тренера, его мысли блуждали далеко. Он спрашивал себя, любят ли друг друга его родители. Он никогда не слышал, чтобы они говорили друг другу нежные слова, никогда не видел, чтобы они целовались. Порой они по несколько дней не общались, и Селим

чувствовал, как между ними пролетают заряды ненависти и взаимного недовольства. В пылу гнева, в приступах тоски Матильда теряла всякий стыд и сдержанность. Она грубо ругалась, кричала, а Амин приказывал ей замолчать. Она бросала ему в лицо упреки в изменах, в предательстве, и Селим, хоть и был всего лишь подростком, понимал, что отец встречается с другими женщинами, а Матильда, часто ходившая с красными глазами, от этого страдает. Селим на секунду представил себе отцовский член, и картина эта так его потрясла, что он сбился с ритма, и тренер его отругал.

Амина не волновали плохие отметки сына. Накануне преподаватель вызвал в школу Матильду и сказал, что Селим бездельник и что он не получит степень бакалавра. Амин тоже ее не получил.

– И знаешь ли, неплохо себя чувствую, – доверительно сообщил он сыну.

Отец повел его на производство. В душных теплицах, в раскаленных складских помещениях, где в машины загружали ящики с рассадой, Амин подробно перечислял все, что вскоре достанется Селиму. Судя по всему, он ждал, что на лице сына, когда он осознает, что это владение однажды достанется ему, появится выражение гордости и тщеславия. Но Селиму было скучно, и он не смог это скрыть. В тот момент, когда отец рассуждал о новых технологиях в ирригации, в которые надо будет вложить средства, Селим заметил валявшуюся на земле пластиковую бутылку. Ловким ударом ноги он, не раздумывая, послал ее парнишке, стоявшему у стены и с восторгом принявшему пас. Амин отвесил сыну подзатыльник:

– Ты что, не видишь? Люди на работе.

Он стал ругаться, громко сетуя на то, что Селим не такой серьезный, как его сестра, чей единственный недостаток состоит в том, что она женщина.

Аиша, снова Аиша. При одном упоминании имени сестры Селим приходил в ярость. Когда четыре года назад она уехала во Францию, Селим испытал огромное облегчение. Наконец срубили дерево, в тени которого он прозябал, и теперь, обогретый солнцем, он мог нормально расти. Но в тот вечер Аиша должна была вернуться.

В сентябре 1964 года Аиша приехала в столицу Эльзаса. Прежде она и вообразить не могла, что зима может наступить так рано, а ее предвестники – низкое серое небо и долгие, на весь день, дожди – появятся уже в октябре. Все свое детство Аиша с благоговейным вниманием слушала рассказы матери об Эльзасе, но ей не приходило в голову, что это в какой-то степени и ее родина, что она – ее частица. По правде говоря, она думала, что мать рассказывает истории о вымышленной стране, о сказочном крае, где люди живут в маленьких деревянных домиках и питаются исключительно пирогами с черносливом. Страсбург показался ей очень красивым, а его жители – сплошь богачами, на нее произвели сильное впечатление мощные улицы, темно-коричневые брусья фахверка, величественные памятники, а больше всего – знаменитый собор, более грандиозный, чем самая грандиозная из известных ей мечетей: в первое время она часто и подолгу там сидела. Она снимала маленькую комнату на самой окраине города, в новом районе со стандартными безликими домами. Хозяйка, мадам Мюллер, встретила ее неласково и сразу же заговорила приказным тоном. Она получила от Матильды слезное послание: она-де сама эльзаска и поручает дочку заботам мадам Мюллер. Но когда в вестибюле мадам увидела Аишу с курчавыми волосами, со смуглым, загорелым на солнце лицом, она решила, что ее обманули, обвели вокруг пальца. Она не любила ни своих сограждан французов, ни иностранцев. Предпочитала говорить только на эльзасском диалекте, и сама мысль о том, что ей при-

дется поселить в своей квартире подобную девицу, приводила ее в негодование. Показывая Аише помещение и объясняя, что и как работает на кухне, она осведомилась:

– Получается, вы тоже эльзаска?

– Да, наверное. Видите ли, моя мать отсюда родом, – ответила Аиша.

– Из Страсбурга?

– Нет, из других мест.

– Откуда именно?

Аиша покраснела от смущения и, заикаясь, пробормотала:

– Не помню.

Мадам Мюллер не могла пожаловаться на жилищку, которую за глаза звала африканкой. Ей пришлось признать, что девушка она серьезная и все свое время посвящает учебе. За четыре года в Страсбурге Аиша ни разу никого к себе не приводила и крайне редко куда-нибудь выбиралась по вечерам. Она либо ездила в университет, либо корпела над учебниками, сидя за кухонным столом, – вот и все, чем она занималась. Выходила прогуляться, только когда так уставала, что нуждалась в разминке и глотке свежего воздуха, либо когда кончалась еда и пора было заглянуть в супермаркет. В такие моменты Аише казалось, что она невидимка, и если кто-то заговаривал с ней или просто на нее смотрел, она страшно удивлялась. Приходила в оторопь: как это кто-то сумел ее разглядеть? Она думала, что остается незамеченной – в буквальном смысле. Ей пришлось всему учиться: как жить в городе, жить одной, готовить, вести хозяйство. Учиться не спать по ночам, повторяя пройденное. Лицо у нее поблекло, приобрело тусклый землистый оттенок. Под большими черными глазами залегли синеватые тени.

Она работала много, как никогда, до полного изнеможения, порой почти до сумасшествия. Потеряла счет времени. Спала так мало и пила столько кофе, что руки у нее тряслись и ее постоянно тошнило. Переводные экзамены на второй цикл обучения она сдала с первого захода и написала родителям, что не приедет домой на лето. Она нашла место в местной клинике, где будет заниматься бумажной работой. Она сэкономила деньги, словно маленькая старушка.

На третьем году учебы студентов привели в большое, с огромными окнами, помещение, где лежало около десятка мертвых тел. Трупы уже были размещены на высоких черных столах с длинными железными планками по обеим сторонам: на них надо было разложить руки покойника. На поверхности стола имелись желобки для стока жидкостей и удаления остатков тканей. Войдя в прозекторскую, студенты тихонько ойкнули – кто с отвращением, кто со смешком. Одни стали отпускать плоские шутки, другие заявили, что они этого не вынесут – им и так уже дурно. Преподаватель, пожилой сероглазый эльзасец, видимо, давно привык к такому ребячеству. Он разделил учащихся на группы по четыре человека и каждой поручил произвести вскрытие одной части тела.

Аиша не испугалась и не почувствовала ни малейшего отвращения. От трупов, выдержанных в формалине, не исходило никакого неприятного запаха, и Аиша знала, что должно пройти еще несколько недель, прежде чем он станет невыносимым. В детстве и юности она страстно увлекалась анатомией и даже теперь, закрыв глаза, могла во всех деталях представить себе таблицы, которые дарил ей доктор Палоши, когда она была ребенком. На ферме ей не раз приходилось видеть внутренности животных. Например, коровы, которая сдохла прямо в поле: ее живот раздулся на солнце, а потом лопнул. Этот запах, эту невообразимую вонь она не

забыла до сих пор. Зловоние было таким сильным, что работники заткнули себе нос листьями мяты и только потом сожгли труп.

Аиша подошла к покойнику, на которого ей указали. Его кожа приобрела сероватый оттенок, черты лица исказились, словно неведомый скульптор попытался вылепить из глины человеческое лицо, но бросил работу, так ее и не закончив. Стоя около этого мертвеца, холодного и обнаженного, с превратившимися в черное пятно гениталиями, она и познакомилась с Давидом. В отличие от других студентов, он не хихикал. Молодой человек с серьезным, торжественным видом осматривал левое плечо трупа, которое ему поручили препарировать. Он не схватился за скальпель, а замер у стола, опустив руки и сцепив пальцы. Он словно ушел в себя. Он смотрел на распростертого на столе подопытного так, словно это был не чужой незнакомый человек, а его отец, или брат, или даже он сам. Когда Давид поднял глаза, он заметил, что Аиша его ждет. Она как будто молилась вместе с ним, видимо поняв, что ему, прежде чем он рассечет плоть и обнажит нервы, нужно попросить прощения у усопшего. В тот миг Давид нисколько не восторгался ни сложным устройством человеческого тела, ни обширными познаниями в медицине, накопленными людьми за многие столетия. Напротив, на него навалилось тягостное, тоскливое ощущение собственного бессилия. Этот мертвец еще недавно был живым человеком, у него было имя, его кто-то любил. Сокурсники видели только лежащий на прозекторском столе труп, тогда как Давид смотрел на него как на воплощенную тайну.

Он поднял скальпель и приступил. Движения Аиши, работавшей напротив, были точны и уверенны, и профессор, подойдя к ней, что-то пробурчал себе под нос – по словам Давида, выразил восхищение. Давид спросил, делала ли она это раньше. И Аиша, обычно стеснявшаяся открыть рот, продолжая внимательно изучать опустевшие кровеносные сосуды, рассказала юноше, как у них на ферме праздновали Ид-аль-Кабир¹² и как она засовывала пальцы в аорту и сонную артерию барана.

Давид стал ее другом. Аише нравились его кудрявые волосы, густые брови и по-детски пухлые щеки, из-за которых он выглядел лет на шестнадцать-семнадцать. Давид принадлежал к еврейской общине Страсбурга, его отец работал преподавателем на факультете теологии. Позже Давид поведал Аише, что он потомок старинного рода эльзасских ученых. Ближе к вечеру они встречались в библиотеке и вместе занимались, на лекциях садились рядом. Зимой 1968 года он часто водил ее в кошерный ресторан, хозяйка которого обладала таким обширным задом, что едва протискивалась между столиками. Она по-матерински опекала молодых людей и настаивала, чтобы они доедали все до последнего кусочка, потому что учеба совсем их доконала. Она считала, что Аиша слишком худенькая, и каждый раз складывала в алюминиевый контейнер то, что девушка не смогла доесть, и заставляла забрать с собой. Бекеоффе¹³, слоеные корзиночки с грибами, фаршированная рыба с рисом. Аише нравился этот ресторан, шумный зал, дым сигарет, в котором тонули лица гостей. А еще ей нравилось смотреть на Давида, поглощавшего еду с отменным аппетитом. В их дружбе не было ни намека на двусмысленность, ничего такого, что могло бы смутить. Аиша вообще считала себя дурнушкой и представить себе не могла, чтобы какой-нибудь молодой человек мог ею заинтересоваться. Кроме того, Аиша знала, что ее друг привязан к своей семье и религии, и его искренняя вера глубоко ее трогала. Она часто просила Давида рассказать об иудаизме, об обрядах и молитвах. И о том, какое место занимает Бог в его жизни. Она оказала ему особое доверие, поведав о своей любви к Деве Марии, о том, как раньше находила утешение, молясь в холодной часовне своей католической школы.

¹² *Ид-аль-Кабир* (чаще Ид-аль-Адха) – мусульманский праздник, тюркское название которого Курбан-байрам.

¹³ *Бекеоффе* – традиционное эльзасское блюдо, рагу из картофеля, лука и двух-трех видов мяса, запеченное в горшочке под «крышкой» из хлебного теста.

Той зимой Давид познакомил Аишу со своими лицейскими друзьями, с которыми встречался время от времени, студентами – философами, театроведами, экономистами. Аишу удивило, с какой сердечностью приняли ее эти молодые эльзасцы, как много вопросов они ей задавали, с каким восторгом слушали ее рассказы о детстве, проведенном на ферме. Иногда она немного смущалась оттого, что они так тепло с ней общаются, и у нее возникало ощущение, что она их обманывает, создавая ложное впечатление о себе. Они считали ее чуть ли не идеалом. Женщина из страны третьего мира, дочь крестьянина, арабка с курчавыми волосами и оливковой кожей, она сумела вырваться из своей социальной среды. Они часто спорили на политические темы. Спросили у нее, за кого она голосовала. Она ответила:

– Я никогда не голосовала. И мои родители тоже.

Они расспрашивали ее о положении женщин в Марокко, интересовались, знают ли в ее стране Симону де Бовуар. Аиша ответила, что никогда прежде о ней не слышала.

Они прощали ей, что она совершенно не разбирается в политической теории, что непонимающе таращит глаза, когда они рассуждают об историческом материализме. Аиша была робкой и некультурной. Однажды она призналась, что ни разу не участвовала в демонстрации и что у нее дома не читают газет. Во время дискуссий о классовой борьбе, о противостоянии империализму, о войне во Вьетнаме она чувствовала себя не в своей тарелке и молилась, чтобы никто не спросил ее мнения. Девушки посмеивались над Аишей, потому что любой пустяк заставлял ее краснеть, и она прикусывала щеки изнутри, когда кто-нибудь заговаривал о сексе и контрацепции. Для этих молодых людей Аиша была выше теории: она была грядущей революцией. Живым свидетельством того, что можно изменить свое общественное положение и, получив образование, добиться освобождения. Однажды Давид с друзьями притащили ее в кафе у подножия собора. Жозеф, парень в брюках цвета хаки и американской рубашке, пожелал узнать мнение Аиши о независимости Алжира и марокканцах, приехавших работать на заводах в департаменте Нор. Все смолкли в ожидании ее ответа. Аиша струхнула. Она решила, что ее сейчас будут в чем-то обвинять, что все сговорились против нее и сейчас разделяются с ней прилюдно, в этом шумном кафе, где они заставили ее заказать себе пиво. Она пролепетала, что ничего об этом не знает. Потом срывающимся голосом добавила, что не имеет ничего общего с этими марокканцами. Посмотрела на часы и сказала, что, к сожалению, вынуждена их покинуть. Ей надо заниматься.

На медицинском факультете ее считали блестящей студенткой, лучшей из лучших, а потому она, будучи достойной дочерью своего отца, опасалась зависти окружающих. Сокурсники смеялись над ней, над ее испуганным выражением лица, над тем, как она, зажав под мышкой книги, сломя голову носилась по коридорам, и волосы у нее стояли дыбом. Ее считали зажатой, пугливой, слишком почтительной по отношению к преподавателям и их авторитету. Во время лекций она была так сосредоточенна, что казалось, никого вокруг не замечала. Она грызла ручку и выплевывала кусочки пластика в ладонь. Часто у нее на губах оставались чернильные пятнышки. Но больше всего ее товарищей раздражала ее привычка выдергивать у себя волоски вокруг лба. Она делала это неосознанно, и к концу лекции весь ее стол был усыпан волосами.

Аишу интересовала только медицина. Ее несколько не волновали ни палестино-израильский конфликт, ни судьба де Голля, ни положение негров в Америке. Ее завораживали, приводили в состояние экзальтации только невероятные процессы в человеческом организме. К примеру, тот факт, что вся поглощенная нами еда усваивается и каждая ее составляющая направляется именно туда, куда нужно. Ее потрясало упорство и хитроумие болезней, проникших в здоровое тело с четко намеченной целью – уничтожить его. Она читала в газетах только научные статьи, ее живо заинтересовало сообщение о пересадке сердца, сделанной в Южной Африке. Она обладала исключительной памятью, Давид, когда работал с ней, то и дело повторял:

– Я не поспеваю за тобой, ты слишком быстро соображаешь.

Давида поражало ее умение сосредоточиться, легкость, с какой она изучала различные клинические случаи. Однажды, когда они выходили из библиотеки, он спросил, откуда у нее взялась такая страсть к медицине. Аиша засунула руки в карманы куртки и, задумавшись на несколько секунд, ответила:

– В отличие от твоих друзей, я не верю, что можно изменить мир. Но можно лечить болезни, а это уже кое-что.

Майские события 1968 года остались для нее непонятными. Всю весну она готовилась к экзаменам так же серьезно, как обычно, днями и ночами пропадала в больнице, где взваливала на себя все, что ей предлагали. Она, конечно, что-то почувствовала – какие-то изменения, какое-то движение. Однажды ей даже протянули листовку, она взяла ее с робкой улыбкой, потом выбросила в урну около дома. У нее возникло ощущение, будто вокруг нее идет подготовка к невероятно масштабному празднеству, разнузданному веселью, в котором она не могла принять участие. Давид и его друзья привели ее к зданию филологического факультета, где тысячи студентов сидели прямо на лужайках. Какой-то юноша выкрикивал в мегафон призывы к восстанию. Она поразились тому, как свободно могут говорить люди, ведь ей с детства внушали, что нужно соблюдать осторожность. Она смотрела на девушек в коротких юбках и гольфах, в блузках, под которыми вздрагивали груди. Одна из подруг Давида сообщила, что несколько молодежных компаний, вероятно, в этот момент уже едут на автобусах в Катманду, чтобы погрузиться в опиумные облака. Аиша ни при каких обстоятельствах не могла бы оказаться среди них. Мегафон переходил из рук в руки, и Аише стало скучно. Она считала, что друзья Давида истеричны, склонны впадать в крайности, а порой просто смешны, но не посмела бы ему это сказать. Все эти высокие слова, эти красивые теории, по ее мнению, были напрочь лишены смысла. Откуда в них такая истовость? Где они набрались этого возторженного идеализма? А главное, почему в них нет страха? Она вспомнила одно арабское выражение, которое часто цитировал ее отец: «Если Всевышний желает наказать муравья, он дает ему крылья». Аиша и была муравьем, старательным и трудолюбивым. И не испытывала ни малейшего желания летать.

Накануне отъезда на ферму Аиша отправилась в парикмахерскую в центре Страсбурга. Она жила в городе четыре года и по пути в университет тысячу раз проходила мимо витрины этого роскошного салона. Она часто смотрела на женщин, сидевших в белых кожаных креслах, с полосками фольги или огромными голубыми бигуди в волосах. Она воображала себя одной из этих клиенток, держащих голову под сушиуаром и листающих глянцевый журнал пальчиками с идеальным маникюром. Но что-то вечно мешало ей туда зайти. То денег не хватало, то не хотелось потом обвинять себя в тщеславии, потратив драгоценное время не на учебу, а на поход в парикмахерскую. Но экзамены отменили, и она сэкономила достаточно денег, чтобы купить билет на самолет и сделать новую прическу. Она представила себе реакцию матери, когда та увидит дочь с красивыми длинными волосами, прямыми, как у Франсуаз Арди. И вошла в салон.

Аиша ждала у стойки, за которой никого не было. Мастерницы торопливо проходили мимо нее с таким озабоченным видом, словно собирались не причесывать клиенток, а оперировать тяжелого пациента. Иногда они косились на нее, и взгляд их как будто говорил: «И на что она, интересно, надеется?» Аиша чуть было не ушла. Никто не предложил взять у нее пальто, и она начала потеть, стоя в натопленном помещении у входа. Наконец на нее обратила внима-

ние хозяйка салона, высокая эльзаска, белокурая и пухлая. Твидовое платье обрисовывало ее пышные формы, а на веснушчатых руках с толстыми запястьями звенели золотые браслеты.

– Чем могу вам помочь, мадемуазель?

Аиша не ответила. Она уставилась на зубы парикмахерши, на которых виднелись следы перламутровой губной помады. Потом заметила небольшую припухлость в области щитовидной железы: такая встречается у некоторых видов птиц. «Надо бы ей показаться специалисту», – подумала девушка.

– Ну так что? – раздраженно спросила хозяйка.

Аиша, запинаясь, проговорила:

– Я по поводу волос. Хочу выпрямить. Чтобы были как у Франсуаз Арди.

Парикмахерша подняла брови и подперла щеку рукой, скорбно воззрившись на открывшуюся ей печальную картину. Протянула руку, звякнув браслетами, и с легким отвращением потрогала волосы Аиши.

– Обычно мы за такое не беремся, – протянула она и, ухватив тонкую прядку, потерла ее между пальцами. Волосы зашуршали, как сухие листья, когда их растирают в порошок. Потом скомандовала: – Следуйте за мной.

Аиша направилась в глубину салона. Там пахло аммиаком и лаком для ногтей. Какая-то женщина с седой шевелюрой препиралась с мастерицей:

– Вам что, жалко лака?

Ее прическа была прочно закреплена, вся до последнего волоска, и напоминала старый парик, выставленный в витрине. Дама могла бы пройти через центр торнадо, и ни одна прядь не выбилась бы из общей массы.

– Добавьте еще лака! – упорствовала она, и молодой парикмахерше пришлось уступить.

Хозяйка оставила Аишу около емкостей с шампунями. На стенах висели большие зеркала, и всякий раз, поворачиваясь, Аиша видела свое отражение, не вполне узнавая себя. Она не могла поверить в то, что эти огромные, удивленно вытаращенные глаза, эти губы, приоткрывавшиеся в улыбке и обнажавшие немного длинноватые зубы, – все это принадлежит ей. Она не могла поверить в то, что красива, и отвергала любые виды кокетства, к коим прибегали девушки ее возраста. Она не красилась, не носила украшений, не собирала волосы в эффектный пучок. Нет, когда ей вдруг приходила в голову мысль что-нибудь сделать – «привести себя в порядок», как говорила мать, – она действовала импульсивно. Однажды в порыве ярости она решила выпрямить волосы с помощью утюга. Она положила щеку на гладильную доску и прижала утюгом свои курчавые волосы. Пошел дым, в воздухе запахло паленым мясом. Концы волос обуглились, к тому же Аиша обожгла висок. В другой раз, почитав женский журнал, она одним махом сбрила себе брови. Потом пыталась их нарисовать черным карандашом, но ей ни разу не удалось сделать их симметричными. Сейчас, сидя перед зеркалом в безжалостном свете неоновых ламп, она разглядела, что одна бровь получилась шире другой и что черная краска потекла и попала на веко. Пока она ждала, у нее в памяти одно за другим возникали прозвища, которыми ее награждали одноклассницы. Паршивая овца. Пудель. Намокшая петарда. Облезлый лев. Они звали ее негритоской, магрибушей, растрепой. Ждать ей пришлось долго. Парикмахерши толкали ее, проходя мимо с мисками краски для волос, которые они несли в руках, обтянутых бежевыми пластиковыми перчатками. Аиша мешала им, она сидела в проходе и опасалась, что все чувствуют исходящий от нее резкий запах пота. Она не сомневалась, что клиентки под греющими колпаками шушукаются, обсуждают ее, смеются над ее всклокоченной гривой. Круглолицая девушка со скучающим взглядом посадила ее перед белой эмалированной раковиной. Аиша подумала: «На что я готова ради того, чтобы у меня были такие же волосы, как у нее?» Гладкие, послушные волосы, которые можно пропустить между пальцами. Парикмахерша грубо воткнула расческу в волосы Аиши. Она говорила по-эльзасски и пере-

смеивалась со своими коллегами и клиентками. Она так сильно драла волосы, что Аиша не выдержала и громко вскрикнула.

– Ну-ну, такую гриву – как ее расчесать-то? Это не так просто, – пробурчала мастерица. Потом крикнула: – Мари-Жозе, дай мне большую редкую расческу!

Она спрятала нос в сгибе локтя, а другую руку погрузила в большую красную банку. Она намазала этим кремом голову и корни волос Аиши. Через несколько минут кожа начала страшно чесаться, и Аише пришлось подсунуть руки под себя, чтобы не запустить пальцы в волосы и не расчесать голову в кровь. По щекам у нее текли слезы, она озиралась с отчаянным видом, и хозяйка, увидев ее, воскликнула:

– А ты как думала? Ради красоты стоит потерпеть!

Во время полета Аиша не касалась головой спинки кресла. Все три часа в самолете она сидела, опустив глаза и наклонившись вперед, чтобы не испортить прическу. Она с трудом сдерживалась, чтобы не потрогать волосы, не накрутить прядь на указательный палец, как часто делала, когда занималась или мечтала. Она ощущала на шее, на щеках мягкое касание длинных прямых волос. И не могла опомниться от изумления.

Аиша приземлилась в Рабате вскоре после полудня. Медленно спустилась по ступенькам, ведущим к зданию аэропорта. От яркого света у нее закружилась голова. Она подняла глаза и заметила на крыше, за красными буквами аэропорт рабат, крошечные фигурки: они мельтешили, размахивали руками, старались рассмотреть прибывших пассажиров. В зале прилета царил страшная суматоха. Служащие метались туда-сюда, выкрикивая какие-то указания, которых никто не выполнял. Носильщики прикатывали тележки с багажом и раздавали его пассажирам, полицейские проверяли паспорта, таможенники открывали чемоданы и, ничуть не смущаясь, перетряхивали журналы и вываливали прямо на пол женские трусики и бюстгалтеры. Аиша смотрела сквозь стекло, отделявшее путешественников от ожидавших их родных. Среди малышей с плюшевыми медведями, густо накрашенных женщин и водителей в джеллабах она заметила отца. На нем были солнцезащитные очки с такими темными стеклами, что они полностью скрывали глаза. Ее удивила его элегантность: он был в светло-коричневом свитере с высоким горлом и кожаной куртке, судя по всему, совсем новой. Его волосы поседел, он отпустил усы. Заложив руки за спину, он усердно разглядывал плитки на полу: ему явно не нравилось находиться в этой суетливой толпе. У него был отсутствующий, потерянный вид, так хорошо ей знакомый. Это действительно был он, ее отец, молчаливый хищник, способный на самую дикую ласку и самый несправедливый гнев. В волнении она сделала несколько шагов в сторону от очереди, чтобы не смешиваться с другими пассажирами, за которыми стояла. Амин снял темные очки и несколько секунд смотрел на нее. Приподнял брови, пройдясь взглядом по коротенькой юбке и коричневым кожаным сапогам до колена. На ней была оранжевая виниловая куртка и большие дымчатые очки, как у певиц на фотографиях из гляцевых журналов. Она решила, что он узнал, увидел ее, свою дочь, и поэтому очнулся. Подумала, что в порыве любви к ней, не в силах унять волнение, он растолкал людей, раздвинул толпу и подошел вплотную к стеклу. Он сдержанно помахал правой рукой, подняв ее к плечу, и улыбнулся. Она остановила взгляд на его белых зубах и все поняла. Он смотрел не на нее. И не ей послал неотразимую улыбку. Он улыбался другой женщине, незнакомке, которую находил красивой и желанной, которая хоть немного скрасила ему скучную повинность – встречать дочь. Наверное, он ждал, что к нему выйдет робкий невзрачный подросток, каким Аиша была прежде. И что эти длинные и стройные, обнаженные ноги никак не могут быть ногами его дочери. Аиша

положила ладонь на макушку, погладила волосы. Вот почему он ее не узнал. Во всем виноваты прямые блестящие волосы до пояса. Эти проклятые волосы, как у Франсуаз Арди.

Аиша вышла из очереди. Приблизилась к стеклу и сняла очки. Амин по-прежнему смотрел на нее и на секунду подумал, что девушка, вероятно, хочет познакомиться, назначить свидание, дать номер телефона. Но внезапно его лицо изменилось. Улыбка потухла, взгляд помрачнел, губы задрожали. Такое выражение у него всегда появлялось перед приступом гнева, когда он выплескивал свою ярость и кричал. Он досадливо взмахнул рукой, словно говоря: «Вернись в очередь, дура». И постучал по циферблату часов: «Сколько можно ждать?» Аиша не нашла свое место в очереди, и ей пришлось снова встать в самый конец. Она взмокла в виниловой куртке, противно шуршавшей при каждом ее движении. Когда она снова посмотрела через стеклянную перегородку, отец уже исчез.

Аише пришлось ждать около часа, прежде чем она протянула паспорт полицейскому, пожелавшему ей приятного возвращения на родину. Она не смогла удержаться и оглянулась, не понимая, надеется ли обнаружить отца на прежнем месте или, наоборот, хочет, чтобы он испарился, и можно было бы сделать вид, будто ничего не произошло, и начать все с чистого листа. Она вышла из здания аэропорта. Носильщик вырвал у нее из рук чемодан, а она не посмела возразить. Когда появился отец, она вздрогнула. Она как ни в чем не бывало весело рассмеялась и бросилась ему на шею. Крепко обхватила руками, прижалась к нему, что означало: «Я тебя прощаю». Ей было стыдно, что она унизила его. Ей хотелось и дальше висеть у него на шее, давая понять, что она все та же маленькая девочка, но Амин освободился от ее рук и заплатил носильщику. По парковке слонялась группа мальчишек, приставая к туристам и предлагая донести их чемоданы, вызвать такси и даже помочь с гостиницей. Вскоре эти сорванцы в рваных одежках добрались и до Аиши, окружили ее и, грубо хохоча, стали отпускать сальные шуточки. Ей не нужно было видеть лицо отца, чтобы понять, что он взбешен.

Амин сел за руль и взял в рот сигарету. Наклоняясь к прикуривателю, бросил быстрый взгляд на ноги дочери:

– Что за нелепый наряд? Здесь тебе не Франция.

Аиша натянула юбку пониже, потом накрыла курткой голые колени. За все время, пока они ехали на ферму, они обменялись всего двумя-тремя банальными фразами. Он спросил, все ли у нее в порядке с учебой. Она поинтересовалась, как идут дела на предприятии. Вспомнила, что здесь принято говорить о дожде, и осведомилась, шли ли дожди и довольны ли крестьяне. После этого разговор иссяк, и они замолчали. Время от времени Амин высовывал руку в окно и раздраженно махал другим водителям. На повороте он едва не опрокинул внезапно выехавшую с поля тележку, которую тащили осел и подросток. Амин резко затормозил и обругал мальчика. Назвал его невежей, скотиной, червяком.

– Все они одинаковы, будущие убийцы, – проворчал он и поднял стекло.

Аиша не отрываясь глядявалась в пейзаж и, к своему удивлению, неожиданно почувствовала себя совершенно счастливой. Она подумала, что вернулась домой, что есть нечто приятное, нечто умиротворяющее в том, чтобы оказаться в окружении себе подобных. Она погрузилась в созерцание виноградников, рядов оливковых деревьев, росших посреди каменистой пустоши, на желтой сухой земле. У подножия холма Аиша заметила кладбище с побеленными известкой могильными камнями, между которыми росли бледно-зеленые кактусы-опунции, усеянные лопнувшими от жары плодами с блестящей желтой сердцевинкой. Почти серая трава блестела на солнце, словно мех неведомого зверя. В отдалении вырисовывались очертания скромных домов; перед ними бегали куры и тощий пес. Аиша точно знала, как пахнут изнутри эти домишки, она часто бывала в них в детстве. Они пахли плесневелой землей и хлебной печью. О запахе она подумала и тогда, когда увидела впереди машину, куда набилась семья из восьми человек, устроившихся на коленях друг у друга. Маленький мальчик, стоявший на коленях матери, помахал Аише через заднее стекло. Она помахала ему в ответ.

Но чувство радости переполняло ее недолго. Когда они въехали в ворота фермы, ее охватило беспокойство. За четыре года многое изменилось. Ее удивило, как здесь стало шумно. Она различила рычание комбайна, стрекотание автоматических оросительных установок. Потом увидела у самого дома просторный бассейн с бортиком из рыжего кирпича, блестящего на полуденном солнце. Аиша знала, что хозяйство стало приносить прибыль, что родители разбогатели. Тем не менее, когда она зашла в дом, ее удивила простоватая, скучная обстановка: вязанные крючком скатерти, вазы из поддельного хрусталя, синие велюровые диваны с горами подушек, так туго набитых мхом, что казалось, они вот-вот лопнут. Она двинулась вперед по коридору. На круглом одноногом столике стояли знакомые с детства вещицы: медный подсвечник, фарфоровая шкатулка, где Матильда хранила ключи, маленькая стеклянная вазочка, в которой увядала красная роза. Ей хотелось погладить эти вещи, хоть минутку подержать их в руках и поблагодарить за то, что они все еще здесь. Но до нее уже донесся резкий, нервный голос матери, дававшей распоряжения Тамо. Аиша прошла мимо гостиной, полюбовалась серией развешанных по стенам натюрмортов. Над камином висел огромный портрет Амина в костюме спаги. Лицо отца вышло не очень похожим, художник сгустил смуглый цвет лица и черноту глаз, неудачно подражая изображениям воинов кисти Эжена Делакруа. Но Аиша сразу поняла, что это отец: еще в детстве она видела фотографию, где Амин сидел верхом на белом боевом скакуне, накинув на голову капюшон бурнуса, и хорошо ее запомнила.

Матильда вышла из кухни. На ней был голубой фартук, она собрала волосы узлом. На правый глаз упала седая прядь. Матильда вытерла тряпкой мокрые руки. Бросилась к дочери, обняла, вдохнула ее запах и сказала:

– Дай я на тебя посмотрю.

Несколько секунд она всматривалась в лицо своего ребенка, разглядывала одежду, оранжевую куртку, которую Аиша держала в руке. Потом произнесла:

– Ты так изменилась. Я бы тебя не узнала.

В честь долгожданной встречи Матильда приготовила праздничный ужин. Хотя она так и не привыкла к марокканской кухне, за несколько дней она наготовила большой ассортимент традиционных закусок и тажинов, а в довершение всего – пастиллу¹⁴ с начинкой из голубя, посыпанную корицей и сахарной пудрой. Сельма, Мурад и их дочка Сабах, жившие теперь в городе, приехали к аперитиву. Сабах исполнилось двенадцать лет. Глядя на них, Аиша с трудом могла поверить, что это мать и дочь, настолько они были не похожи друг на друга. Сабах не унаследовала ни прямых темно-каштановых волос Сельмы, ни ее дивного цвета лица. Это была худосочная девочка с крупными чертами лица и слишком густыми бровями. На ней была черная хлопковая юбка, из-под которой виднелись толстые щиколотки, покрытые темными волосками.

Пока Амин разливал шампанское, Сабах подошла к Мураду и прижалась к нему. Она обхватила рукой плечи отца и уткнулась носом в его затылок. Ни слова не говоря, он притянул ее к себе, посадил на колени и прошептал что-то на ухо, чтобы никто не слышал. Девочка кивнула и замерла, прижавшись щекой к плечу Мурада. Она звала его папой, и Мурад всякий раз невольно испытывал стыд, слыша это слово. У него было такое чувство, будто он ей лжет и пользуется ее простодушием, он боялся, что однажды она узнает правду. И будет ненавидеть

¹⁴ *Пастилла* (или *бастилла*) – традиционный марокканский пирог из тончайших пластов теста брик с начинкой из голубиного мяса и миндаля. Более распространенный, упрощенный вариант этого пирога готовят с куриной начинкой.

его лютой ненавистью. Впрочем, кто еще мог претендовать на звание ее отца? Кто еще заслужил, чтобы его называли этим ласковым, теплым словом – «папа»? Без него она, скорее всего, не выжила бы. Он спас ей жизнь, взвалил на себя заботы о ней, оберегал от безумных выходок матери. Несколько недель после их свадьбы Сельма только и делала, что плакала. Целыми днями она лежала на боку, прижав ладонь к растущему животу. За слезами последовали приступы гнева, она вознамерилась бежать, угрожала покончить с собой. Сельма попыталась броситься под колеса грузовика. Она заявила, что выпьет яд, которым морили насекомых-вредителей. Она клялась, что воткнет вязальную спицу себе в живот. Потом малышка появилась на свет, но от этого ярость Сельмы не утихла. Напротив, плач ребенка сводил ее с ума, и она уходила гулять в поле, оставляя голодную девочку в гараже, где они тогда жили. Она бросала в лицо Мураду такие слова, что он, прошедший войну, лагерь для военнопленных и опасный путь дезертира, столбенел от ее жестокости. Она уверяла, что готова уморить ребенка голодом и подложить труп Матильде под дверь: «Тогда она узнает, что натворила». Мурад жил в постоянном страхе. Однажды, когда Сабах было два года, он среди дня бросил работу, хотя она была в самом разгаре, и как сумасшедший помчался на ферму. Там он увидел свою дочь. Она была одна. В серой рубашонке, с голыми ножками, она набирала в ладонки камни и развлекалась тем, что сосала их. «Папа!» – закричала девочка, и камни выпали из ее ладошек на землю.

Что он делает здесь, рядом с этими двумя женщинами? Что он делает здесь, в этой семье, где никто его не любит? Амин никогда не относился к нему как к зятю, ни даже как к другу. Амин стал важным господином, человеком уважаемым, который устраивает праздники у бассейна, в саду, украшенном фонариками. Он стал богачом, праздновал Новый год с другими такими же богачами и не боялся выставлять себя на посмешище, когда разгуливал в шляпе из золоченого картона, обвешанный серпантинном и гроздьями липнущих к нему баб. Амин чуть не лопался от денег и гордости. Он стал шить костюмы на заказ, научился танцевать вальс и мамбо. Переспал с половиной города. После смерти Муилалы он несколько месяцев водил любовниц в родительский дом в квартале Беррима и занимался с ними сексом на покрытых плесенью кушетках. Иногда, думая, что никто его не видит, он сворачивал на край поля подсолнухов и мял груди чьей-нибудь оставшейся без присмотра жены. Однажды он возвращался пьяный после вечеринки, и его машина врезалась в ствол оливы. Он заявил:

– И вовсе я не был пьян, просто устал. Зевнул и на секунду прикрыл глаза.

Мураду все было ясно. Так же ясно, как то, что в этой стране человек никогда не бывает один. И, решив предостеречь Амина, сказал ему:

– Всегда найдется человек, который захочет знать, чем ты занимаешься.

Во время аперитива, пока радостная Матильда болтала без умолку, Аиша наблюдала за родственниками, за тем, как Тамо ходит на кухню и обратно, поднося блюда к столу. Аиша обратила внимание на то, что служанка немного хромает, и предложила помочь, но та отказалась. Аиша подумала, что между этим миром и миром Страсбурга, между жизнью здесь и жизнью там нет ничего общего. Эти две формы жизни никак не связаны между собой. Они существуют в параллельных измерениях и никак друг на друга не влияют. Аиша додумалась даже до того, что часть ее осталась там, в Страсбурге, и по-прежнему ведет привычную повседневную жизнь. Ее охватило ощущение нереальности. Она уже была не слишком уверена в том, что эти четыре года вообще были. Может, она вообще отсюда не уезжала. Может, ей все это приснилось.

Во время ужина Амин не присоединялся к общему хору похвал каждому блюду, появлявшемуся на столе. Он положил ладонь на спину Аиши – «Да хранит тебя Всевышний, дочка» – и попросил рассказать, каково это – быть первым врачом в семье. Аиша вообразила, будто отец простил ее, что неприятная сцена ее приезда уже улетучилась у него из памяти, и приступила к описанию своих подвигов. Начала со вскрытия трупов.

– Не надо! Только не за столом! – запротестовала Матильда.

Тогда Аиша заговорила о работе в клинике, о том, какими замечаниями сопровождал все ее действия руководитель стажировки. Она не упомянула о дружбе с Давидом, просто сказала, что у нее появились хорошие друзья. Пока она говорила, Сельма и Селим не отрывали глаз от своих тарелок. Амин, похоже, это заметил и с еще большим пафосом стал говорить о том, как его радует дочь, такая волевая, такая серьезная:

– Все потому, что она порядочная девушка, которая не бегаёт за мальчиками и не ищет себе проблем. Не прогуливает учебу и не болтается без дела.

Аиша, продолжал он, не имеет ничего общего с этими коммунистами, с этими революционерами, ничего не понимающими в жизни и поставившими целью уничтожить наследие старших поколений. Он говорил сердито, но Аиша не поняла, что его слова адресованы сыну и сестре. Он подчеркивал независимость и успешность Аиши, чтобы побольнее уязвить Сельму. И вместо того, чтобы загладить несправедливость, старался еще больше ее подчеркнуть.

Как только ужин закончился, Сельма встала из-за стола. Никто не спросил, куда она собралась. Может, к дочери, а может, убирать посуду на кухне. Один Селим точно знал, где ее искать. Он проскользнул через гостиную, вышел на задний двор и поднялся на крышу. Сельма сидела на самом краю, болтала ногами в пустоте и ждала его.

Селим вынул из кармана две сигареты, одну протянул своей тетке. Именно она впервые дала ему покурить.

Тогда она еще жила на ферме, в убогом гараже, который перестроил Мурад. Селиму тогда было, наверное, лет восемь, он играл в саду и вдруг заметил свою тетку: она стояла, прислонившись к оштукатуренной стене, и пускала дым из носа. Сельма приложила палец к губам и заставила его поклясться, что он сохранит секрет. И чтобы скрепить этот договор против Амина и остальных мужчин, предложила:

– Хочешь попробовать?

Селим приложился губами к сигарете и втянул дым.

– Да ты как будто всю жизнь курил, – заметила она и рассмеялась.

Селим знал все ее тайники. Ребенком он играл в Мальчика-с-пальчик и отыскивал разбросанные по всему саду окурки с отпечатками ее карминно-красной помады. Он собрал целую коллекцию серых сигаретных пачек, на которых с трудом читалось загадочное название – «Маркиза».

Сельма закурила сигарету, и при свете зажигалки Селим рассмотрел ее лицо, ее досадливо нахмуренный лоб. Он сел рядом.

– Если бы отец меня увидел, точно бы убил.

Сельма издала резкий, злой смешок:

– Твой отец... Я ему как кость в горле.

Ее слова больно задели юношу. Они эхом отдавались у него в голове, множась до бесконечности. Несколько минут они молча сидели на крыше. Вдали виднелись городские огни. Снизу доносились голоса Тамо и Матильды. Селим догадался, что Сельма плачет.

– Зачем я приехала? Могла бы соврать, что мне нездоровится или что Сабах плохо себя чувствует. У нее и правда постоянно живот болит. Надо было найти предлог, чтобы остаться дома. Но Мурад начал бы настаивать. Сказал бы, что так нельзя, что это невежливо, что, в конце концов, благодаря им у нас есть кусок хлеба и крыша над головой. Нужно благословлять их за то, что они заботятся о нас и о девочке. Он говорит о твоём отце так, словно его лицо,

а не лицо короля напечатано на банкнотах. Мурад послушен ему, как пес, как солдат, каким он всегда был и останется. А Матильда? Считает себя святой, тайком сует мне по праздникам конверт с деньгами и шепчет: «Это для малышки» или «Ты имеешь право себя побаловать». И улыбается, когда видит меня в новом платье. Ей ведь нравится думать, будто все, что я ношу, все, что я ем, даже воздух, которым я дышу, – все это у меня есть только по их милости. Однажды я перестану есть, перестану говорить, перестану дышать, пока не рухну на землю. Не шевельну больше ни рукой, ни ногой, не буду сопротивляться. Когда тебя кусает собака, не надо от нее отбиваться. Дернешься – и она вцепится еще сильнее. Здесь все так и устроено. Нужно подчиняться. Они твердят, что нет ничего превыше семьи. Ничего. Ни дать ни взять король с королевой в своем красивом доме. Но ты увидишь, в один прекрасный день я не выдержу, наберусь смелости и скажу им, что мне на них плевать, и пусть они сдохнут со своей ложью, со своим лицемерием, хорошими манерами и идеальной дочерью. Что она понимает в жизни, эта Аиша? Она же еще совсем соплячка! Глупая девчонка, которая смотрит на своего отца как на живого бога. Льстит и поклоняется ему. Но она не знает, каков он на самом деле. Или делает вид, что этого не помнит.

Сельма говорила шепотом, и Селиму показалось, что ей нет до него дела, что все это время она обращалась не к нему, а к себе самой. Видимо, она сама это заметила. Раздавила окурок, потребовала еще сигарету и продолжала:

– Спроси у сестры. Спроси у нее, помнит ли она ночь с револьвером. Он, наверное, все еще там, в той терракотовой вазе, что стоит в коридоре. Если не веришь мне, можешь проверить. Револьвер, из которого он хотел нас застрелить, – твою мать, сестру и меня. Он заявляет, что я была ленивой, что не проявляла старания в школе. Но правда состоит в том, что даже если бы я была такой же блестящей ученицей, как мисс Аиша, он все равно не разрешил бы мне уехать. Он ни за что не стал бы оплачивать мою учебу. Ну, и зачем тогда стараться? В твоём возрасте я хотела быть стюардессой. «Стюардессой? – сказал он. – Лучше уж сразу становись шлюхой». А мне всегда нравились самолеты. К тому же я влюбилась в летчика. Он возил меня на летное поле, объяснял, как работают приборы и механизмы, рассказывал, что это такое – летать. Мне хотелось отправиться в путешествие, уехать отсюда, стать самостоятельным человеком. Я верила, что у меня вся жизнь впереди.

Сельма всхлипнула. По ее щекам катились крупные слезы.

– Когда я забеременела, то попросила твою мать мне помочь. Святая Матильда. Она уверяла меня, что Драган согласен, что они все устроят. Никто ничего не узнает, и я смогу жить как ни в чем не бывало. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю? Ты уже взрослый, наверняка все это знаешь. Каждый день я спрашивала у нее, когда же мы поедem в клинику, и она отвечала: «Скоро, очень скоро». А потом испугалась. Или решила отомстить. Или позавидовала. Как бы то ни было, она никуда меня не повезла. Твой отец пригласил адула¹⁵, и меня выдали замуж за Мурада. И я родила ребенка в гараже, где воняло плесенью. Порой я думаю: лучше бы он тогда пустил в ход свой револьвер. Надо было ему меня убить.

Первые несколько дней Аиша спала. Матильду это начало беспокоить, она гадала, не заболела ли ее дочь.

– Ее как будто укусила муха цеце, – пожаловалась она Амину.

¹⁵ Адул (или адил) – в странах Северной Африки представитель закона, исполняющий некоторые обязанности нотариуса.

Как только Аиша принимала сидячее положение, на нее наваливалась страшная, необо- римая усталость. Она засыпала утром прямо в гостиной или на садовом стуле. В разгар дня уходила к себе в комнату, закрывала ставни и спала до самого вечера, но это никак не мешало ей потом погрузиться в беспробудный ночной сон. Как будто все эти годы в Страсбурге она, словно героиня сказки, на которую наложил заклятье злой волшебник, не знала ни минуты покоя. А теперь чары развеялись, и она перестала противиться сну. Или, может, наоборот, это сейчас она во власти колдовства. Кто знает?

Прошла целая неделя, прежде чем она вышла из состояния летаргии и смогла насла- диться первыми летними днями и красотой природы. По утрам она наблюдала, как плавает в бассейне брат: она могла часами любоваться его великолепным телом, смотреть, как он разме- ренными гребками преодолевает расстояние от одного бортика до другого. Селим с ней мало разговаривал. В конце июня ему предстояло сдавать экзамены на бакалавра, и настроение у него было хуже некуда. Аиша предложила помочь ему с подготовкой, но он сухо отказался, заявив, что это не проблема, он уже достаточно взрослый и в состоянии сам со всем разо- браться. Ближе к вечеру Аиша надевала свои старые теннисные тапочки и уходила в поля, набив карманы камнями, чтобы отгонять бродячих собак. Она срывала с апельсиновых дере- вьев едва созревшие плоды; даже еще не понюхав их, не поднеся к губам, Аиша точно знала, каковы они на вкус. Она ложилась на траву и смотрела в небо, ярко-голубое, которое она видела во сне, живя в Эльзасе. Здесь небо было доступным, обнаженным, словно божественная длань сорвала с него все покровы, всё, что могло бы сделать его тусклым, блеклым. В вышине летали птицы, то по одной, то огромными стаями, ветки пальм и олив колебались от ветра, пробуждая в Аише мечты о грозе.

Несколько раз она приглашала Монетт провести с ней день. Подруга осталась в Мекнесе и работала теперь классной надзирательницей в лицее. Она завидовала Аише, что та вырва- лась из их провинциального городка, завела новых друзей, получала профессию. Монетт жила с матерью в верхней части города. Мать так растолстела, что почти не выходила из дому и бесконечно жаловалась на варикоз и диабет, медленно сводивший ее в могилу. Когда подруги встретились, Монетт бросилась Аише на шею. Расцеловала ее и расхохоталась так радостно, что Аиша тоже не смогла удержаться от смеха. Четыре года в Страсбурге Аиша не вспоми- нала о Монетт, или почти не вспоминала. Смутный образ подруги витал где-то очень далеко, туманный, словно во сне. И вот Монетт стояла перед ней, светясь улыбкой, и Аиша поняла, до чего же она соскучилась по своей подруге.

А еще она подумала, что Монетт выглядит как взрослая женщина. Что она стала точно такой, какой Матильда хотела бы видеть Аишу. На Монетт было прямое платье до колен и туфли-лодочки с квадратным носком. Она носила прическу в стиле Брижит Бардо – с высоко начесанным, закрепленным множеством шпилек шиньоном, из-за которого ей приходилось держать спину очень прямо. В Монетт не осталось ничего от прежней дерзкой и нескладной девчонки, думавшей только о том, как бы унижить взрослых, поставить их в нелепое поло- жение. Отныне она вела себя как светская дама. Обращаясь к Матильде, выразила восхище- ние домом, отметила, с каким вкусом подобрана обивка диванов и как изящны стеклянные фигурки животных, которые Матильда зачем-то стала коллекционировать.

Матильде было приятно присутствие Монетт. Когда девушки лежали у бассейна и заго- рали, она приносила им лимонад, и Аише начинало казаться, будто она туристка и проводит отпуск в каком-нибудь отеле. Мать вела себя с ней крайне предупредительно, и это ее смущало. Убирая со стола, Матильда наотрез отказывалась от помощи дочери. Она говорила:

– Сиди, сиди, ты ведь очень устала.

Аиша уже не чувствовала себя здесь как раньше. Этот дом, где она выросла, казался ей чужим, а его стены, новая мебель, новые картины смотрели на нее враждебно. Ей не хватало

прежней свободы, ее тихой комнатухи, крошечной, как у прислуги. Здесь у нее возникло ощущение, что ее превратили в маленькую девочку, и это бесправие ее раздражало.

По утрам Матильда входила к ней в комнату. Раздвигала занавески и целовала Аишу, как в старые времена, когда нужно было собираться в школу. Мать заставляла ее есть, гулять на свежем воздухе, напоминала, как опасно находиться на солнце, вызывающем мигрени, как вреден пустынный ветер шерги, иссушающий дыхательные пути. Аише хотелось сказать ей, что все это зыбкие теории, не подтвержденные научными исследованиями. Но она промолчала. В конце июня, когда в лицее шли экзамены и Монетт была занята, Аиша предложила матери помочь ей в амбулатории, перед которой каждое утро выстраивалась длинная очередь. Матильда согласилась, впрочем, без энтузиазма. Когда Аиша была маленькой, Матильда называла ее своей медсестрой и позволяла обрабатывать раны и накладывать повязки. Поручала дочери разрезать маленькими ножничками блистеры таблеток, но лекарства крестьянкам всегда выдавала сама, словно священник, одевающий прихожан святыми дарами. Она выслушивала откровенные признания, спокойно и властно заставляла пациентов побороть стыдливость и расстегнуть халат либо спустить штаны. Со временем она уверовала в свою мнимую ученость, как служители церкви верят в собственные завлекательные истории.

Матильда, приехавшая в Марокко в 1946 году, кичилась тем, что она единственная женщина в семье, получившая приличное образование. Она хвасталась, что читает романы, говорит на нескольких языках, умеет играть на фортепьяно. Поначалу она страшно гордилась успехами дочери и похвалами ее учительниц-монахинь в школе. Потом с тоской ждала того дня, когда Аиша обгонит ее в знаниях. Ведь тогда Матильда будет разоблачена. Ее дитя поймет, что мать – всего лишь самозванка, которая не знает ровным счетом ничего или, по крайней мере, знает лишь самую малость. Когда Аиша поступила в лицей, выяснилось, что мать не в состоянии помочь ей с домашними заданиями. Цифры у нее перед глазами превращались в бесформенную мешанину, лишённую всякого смысла. Уроки истории, географии и философии – этот предмет был самым ужасным – казались ей совершенно непонятными, и она недоумевала, как детишки в таком возрасте могут усваивать столько знаний сразу. Она боялась вопросов дочери и ее взгляда, обращенного к ней. Сидя за письменным столом и положив ладони на книгу, Аиша поднимала на мать огромные черные глаза, а та ничего не могла ей сказать.

Матильда нисколько не сомневалась, что не без ее участия Аиша выбрала профессию врача. Именно она развила в ней склонность лечить людей, позволила, несмотря на детский возраст, читать медицинские журналы, которые давал ей Драган. Но теперь Аиша превзошла ее. Она обладала обширными, неоспоримыми знаниями. Худенькая робкая девушка двадцати одного года теперь взяла власть в свои руки, и это было унижительно для ее матери. Амбулатория, видимо, показалась Аише убогой. Наверное, она разглядывала стены в надежде найти на них, как в кабинете Драгана, рамочку с дипломом какого-нибудь заграничного университета, который давал бы право ее матери распоряжаться жизнями других людей.

Однажды утром Аиша явилась в амбулаторию в просторных джинсах и старых теннисных туфлях. Проконсультировала нескольких пришедших на прием больных. По поводу одного сказала:

– Ему надо к дантисту. Температуру дает больной зуб. А мы помочь не сможем.

Она подняла на смех снадобья, которые прописывала ее мать. Теплая вода с солью при вывихе. Отвар имбиря от боли в горле. Полная ложка кумина от поноса и рвоты. В ее присутствии Матильда не осмеливалась ставить диагноз. Она полностью потеряла уверенность в себе, сомневалась в каждом своем действии, то и дело оглядывалась на дочь в поисках одобрения. Аиша, суровая и сосредоточенная, хладнокровно переносила попытки пациентов погладить ее и поцеловать.

– Как она повзрослела! Благословен Аллах! *Tbarkallah!* Да хранит ее Всевышний! – говорили люди Матильде.

Они, неграмотные крестьяне, выражали благоговейный восторг перед этой образованной девушкой. Аиша укрылась от них в туалете. Моя руки, увидела, как ее мать выдвинула ящик, достала несколько купюр и сунула их в руку одной из крестьянок.

– Да благословит тебя Всевышний! – прошептала Матильда. – Да хранит он твоих детей.

Однажды вечером в начале августа, когда семейство, расположившись у бассейна, наслаждалось аперитивом, прибежал один из работников и сказал, что ему нужно видеть хозяина или его жену. Он сообщил Тамо, что дело очень срочное, но ничего больше добавить не пожелал, и служанка, стораая от любопытства, отправилась звать господ. Вскоре появились Матильда и Амин. Работник мялся, не решаясь заговорить. Для начала осведомился, как идут дела в хозяйском семействе: «Здоров ли твой сын? А дочь? А сестра?» – потом рассыпался в извинениях, пробормотал, что не хотел их беспокоить, тем более в такой поздний час, и ему очень неудобно. Амин, которому витиеватые приветствия действовали на нервы, грубо его перебил:

– Ближе к делу!

Работник сглотнул слюну и рассказал, что два дня назад в дуар пришла девушка.

– По моему разумению, она пропащая, – сообщил он.

Никто не знал, откуда она пришла, но она была беременна, уже на сносях, и наотрез отказывалась сказать, кто она и где ее деревня. Работник перестал наконец стесняться и продолжил по-берберски:

– Нам своих проблем хватает. Я сказал им, что ее нужно прогнать, что у нас из-за нее будут одни неприятности. Знаем мы таких девушек! Она плачет, умоляет, и остальные женщины ее жалеют. Говорят, надо с ней обращаться помягче и, если мы позаботимся о ней, она в конце концов признается, кто отец ребенка и как она здесь очутилась. Вот так и случилось, что сейчас она у меня дома и еще с ночи все время кричит, прямо надрывается. И корчится от боли. К ней привели повитуху, но та говорит, что ребенок не хочет выходить наружу. Что это дитя позора и оно убьет свою мать. Вот что я вам скажу, хозяин: чужой ублюдок под моей крышей – это еще ничего, но только бы не труп этой девочки. Потому-то я и подумал, что вы, может, приедете, вы и мадам Матильда. Нельзя же ее бросить. Оставить умирать в моем доме.

Матильда взяла его за руку:

– Ты правильно сделал. Нельзя все так оставить. Сейчас мы возьмем машину, и я поеду с тобой.

Она подошла к большому деревянному шкафу, где хранились лекарства для амбулатории, и стала швырять в сумку флакон бетадина, бинты и салфетки, большие ножницы. Амин, во время рассказа работника стоявший опустив голову и скрестив руки на груди, остановил ее: – Нет, поедет Аиша. В конце концов, она же врач. Я поеду с ней. И речи быть не может о том, чтобы она отправилась в дуар одна, уже ночь на дворе. – Он поднялся на террасу и, как в старые добрые времена, когда служил офицером в колониальной армии, громко скомандовал: – Аиша, одевайся и иди сюда! Да поживей!

Когда они сели в машину, Матильда положила на колени Аиши маленькую сумку с медикаментами. Потом, пока сгущались сумерки и небо приобретало чернильный оттенок, долго смотрела им вслед. Они ехали в дуар, и всю дорогу Аиша твердила, что никогда этого не делала, что она, собственно говоря, еще не врач и что возлагать на нее такую ответственность – полное безрассудство. Ноги у нее дрожали, ее тошнило. Все плыло у нее перед глазами, она ничего не слышала, ничего не соображала, ее рассудок заволокло густым туманом.

– Ты считаешь, лучше бы этим занялась мать? – осведомился Амин, и Аиша пожалала плечами.

В лучах фар они заметили первые домики деревни и скопление людей у одного из них. Женщины в джеллабах и цветных платках шлепали себя по щекам и жалобно подвывали. Некоторые мужчины сидели на корточках, другие нервно вышагивали взад-вперед, заложив руки за спину или сжимая в пальцах сигарету. А дети, воспользовавшись тем, что взрослым не до них, пошли в атаку на стаю отощавших, похожих на призраков собак, швыряясь в них увесистыми камнями и стараясь подбить. Жители деревни бросились навстречу Амину и Аише. Осыпали их благословениями, целовали их плечи и руки. Кожа крестьян пропахла кумином и древесным углем. Одна из женщин проводила Аишу в темную комнату с земляным полом. Едва теплящаяся керосиновая лампа в углу отбрасывала на стену тревожные тени. Там, вытянувшись на одеяле, стонала молодая женщина. Аиша вышла и, стоя на пороге, сказала Амину:

– Мне нужен свет. Я не смогу ей помочь, если ничего не буду видеть.

Амин пошел за двумя карманными фонарями, которые всегда возил в багажнике. Аиша крутилась на месте, заламывая руки, и в какой-то момент уже хотела сбежать, помчаться через поля, окутанные тьмой. Но Амин зажег фонари и направил световые пучки в лицо дочери:

– Что еще тебе нужно?

Она сказала, что еще нужно вскипятить воду, что ей нужно вымыть руки. Амин указал пальцем на двух женщин и велел:

– Будете делать все, что скажет доктор. Понятно?

Одна из крестьянок пошла кипятить воду, другая взяла фонари и направила их на роженицу. Аиша обнаружила, что той от силы шестнадцать-семнадцать лет. Ее лицо, залитое потом и сморщенное от боли, было мертвенно-бледным. Плосколицая, узкоглазая, она словно пришла не из какой-нибудь соседней деревни, а из дальних монгольских степей. Аиша села на корточки и погладила ее виски, ее слипшиеся от пота волосы.

– Все у нас получится, – произнесла она. – Все получится.

Она осторожно подняла халат молодой женщины, взглянула на ее голый живот. Ощупала его, то и дело поднимая голову и приказывая помощнице правильно держать фонарь. Потом она опустилась на пол между ног роженицы и раздвинула их. Сосредоточившись насколько возможно, она постаралась вспомнить лекции по акушерству. Властным голосом приказала всем замолчать. Ее отвлекали доносившиеся снаружи обрывки разговоров. Она накричала и на двух своих помощниц, стенания которых напоминали назойливое жужжание насекомых. Они монотонно бормотали: «*Ya Latif, ya Latif*»¹⁶ – и без конца всхлипывали.

Аиша просунула руку во влагище женщины. Шейка матки была мягкая, растянутая. Схватки продолжались уже несколько часов, но без всякого результата, они только измотали женщину. Нужно было ускорить роды. Это был единственный способ избавить несчастную от лишних страданий. Аиша порылась в сумке, которую дала ей Матильда. Не нашла в ней ничего подходящего и огляделась по сторонам.

– Мне нужно что-нибудь маленькое, с острием. Ты понимаешь, что я тебе говорю? – проговорила Аиша.

Ей было трудно подбирать арабские слова, и это ее раздражало. Она вышла из дома и позвала отца:

– Скажи им, чтобы нашли и принесли что-нибудь небольшое, с острым кончиком, чтобы я могла ввести это внутрь тела женщины. Я должна проткнуть плодный пузырь.

В темноте Аиша не могла видеть лица Амина, на котором расцвела горделивая улыбка. Крестьяне засуетились. Они отправились копать в своих скудных пожитках, и вскоре одна из женщин с победоносным видом примчалась, держа в руке вилку. Аиша схватила ее. Опу-

¹⁶ «О Всевышний, о Всевышний!» (Прим. автора.)

стила вилку в кипящую воду, потом облила ее бетадином и медленно, точными, рассчитанными движениями ввела столовый прибор во влагалище роженицы. Повисла тишина. Благословенная, гнетущая тишина. Потом пациентка коротко вскрикнула, удивленно и как будто с облегчением. По ее ляжкам потекла прозрачная жидкость с чуть заметными ниточками крови.

– Теперь тебе станет полегче, – сказала Аиша.

Она наклонилась к самому лицу молодой женщины и поцеловала ее под возмущенными взглядами двух берберок. Тогда пациентка, с трудом разлепив ссохшиеся губы, прошептала:

– Помоги мне.

Аиша улыбнулась:

– Ну конечно, я помогу тебе.

Но юная женщина повторила:

– Помоги мне. Помоги, сделай так, чтобы у меня больше никогда не было детей.

Ближе к утру она родила мертвого мальчика.

Вернувшись на рассвете, Аиша приняла обжигающе горячий душ и отключилась. Она проспала все утро и половину дня. Ей снилось, что она купается в бассейне, и его прозрачная голубая вода превращается в околоплодные воды, и она барахтается в этой теплой жидкости. Очнувшись посреди кошмара: ее разбудила Матильда. Она трясла ее за плечо, приговаривая:

– Вставай, к тебе Монетт приехала. Приглашает тебя сходить с ней в кино.

Аиша выползла из кровати. Оделась, хотя ей не хотелось ни идти куда-то, ни даже просто разговаривать. Взясась было приводить в порядок волосы, но бросила. Вошла в гостиную, бледная, с темными кругами под глазами.

– Мне уже поведали про твои подвиги! – воскликнула ее подруга.

Аиша нервно улыбнулась. Матильда попросила Монетт поделиться свежими мекнесскими сплетнями.

– Эта девочка все про всех знает! – воскликнула она.

Монетт рассказала несколько историй о том, кто с кем спит, кто с кем разводится, Аишу они совершенно не заинтересовали. Она медленно пила кофе, восстанавливая в памяти, минута за минутой, события прошлой ночи. Она снова увидела лицо молодой женщины и синюшное, безжизненное тело ребенка, которого та произвела на свет. Аиша подумала, что мужчины из дуара, скорее всего, едва рассвело, выкопали могилу и похоронили труп. Маленькую ямку, узкую и неглубокую. Эта смерть устраивала всех. Она очищала от позора и бесчестия, а потому была благословением. Надо было бы туда сходить, подумала Аиша. Осмотреть пациентку, убедиться, что у нее нет кровотечения, что она поправляется. Но она не сомневалась в том, что ее присутствие там нежелательно, что все обитатели деревни постараются сделать вид, будто ничего не произошло. Словно этой ночи вообще не было. Девушку, наверное, уже выпроводили и оставили на дороге, не обращая внимания на то, что у нее нет сил, а живот еще тяжелый и дряблый и ей приходится поддерживать его рукой, чтобы хоть как-то переставлять ноги. Аише совсем не хотелось идти в кино. Но еще меньше хотелось оставаться дома, терпеть распробы родителей и мрачное молчание брата.

Монетт взглянула на изящные золотые часики с овальным циферблатом, украшавшие ее запястье:

– Нам пора идти, иначе около кинотеатра не останется места, чтобы припарковать машину.

Аиша услышала свой голос, произнесший «хорошо», и покорно, как заводная кукла, пошла за подругой, выслушивая на ходу наставления Матильды относительно алкоголя, молодых людей и лихачей на дорогах. Монетт абсолютно невозмутимо повторяла: «Да-да, конечно!» – и потихоньку тащила Аишу к машине.

Усевшись за руль, Монетт испустила вздох облегчения:

– Наконец-то мы одни! Думала, она никогда нас не отпустит.

Матильда, стоя на ступенях крыльца, подавала им какие-то знаки руками, фигура ее постепенно уменьшалась, пока совсем не исчезла из виду. Автомобиль повернул на узкую грунтовую дорогу, пересекавшую земли фермы. Ветки олив стучали в ветровое стекло, и этот шум напомнил Аише дорогу в школу холодным зимним утром. Справа от дороги в огромных теплицах сидели на корточках работницы. Под сводом из пленки среди зеленых кустиков виднелось множество женских фигур в темной одежде. Слева тянулись бывшие стойла, переоборудованные в ангары для техники. В кабине одного из тракторов спал ребенок, уткнувшись носом в руль.

– Опасность миновала. Можете вылезать, – объявила Монетт.

Аиша изумленно уставилась на нее, потом обернулась и увидела на заднем сиденье двух свернувшихся калачиком мужчин.

– Ты же сказала, это займет всего пару минут! Разумеется, тебе на нас наплевать. Теперь у меня неделю будет спину ломить!

Мужчина лет сорока осторожно распрямил ноги. Повертел головой вправо-влево, потянулся. Загорелый, с темными, коротко стриженными волосами и крепкой шеей, он походил на Кэри Гранта. На левом запястье он носил золотую цепочку: Аиша рассмотрела ее вблизи, когда мужчина положил руку на шею Монетт и погладил ее. В зеркале заднего вида Аиша попыталась разглядеть молодого человека, сидевшего у нее за спиной и молчавшего как рыба. Но лица не увидела, только копну черных волос и взлохмаченную бороду. Он сидел лицом к окошку и, казалось, был поглощен созерцанием пейзажа.

– Это все твое?

Аиша не поняла, что он обращается к ней.

– Это твоя ферма, да?

– Это ферма моего отца.

– А, того самого, который не должен нас видеть. Он что, очень страшный?

– Он просто мой отец, и все.

– А ферма эта, она очень большая?

– Не знаю.

По обочине шагали двое мужчин. Два работника в резиновых сапогах и шерстяных свитерах с дырками на локтях и у ворота. Когда машина проезжала мимо них, они подняли головы и поприветствовали Аишу, приложив руку к сердцу. Ей стало стыдно. Так же стыдно, как при виде огромного, недавно появившегося указателя на въезде, на котором большими синими буквами было написано: «Поместье Бельхадж».

– Твой отец поселенец?

– А вот и нет! Он марокканец, и эта земля принадлежит ему.

– Марокканец он или нет, это все равно. Твой отец мало чем отличается от русских помещиков, владевших рабами. Вы живете как европейцы, вы богаты. Необязательно быть поселенцем, чтобы относиться к людям как к дикарям.

– Что за ерунда?

Монетт расхохоталась и воскликнула:

– Аиша, позволь представить тебе Карла Маркса. А это Анри, – добавила она, нежно поглаживая пальцы своего любовника. – Они сделали мне сюрприз – приехали со мной пови-

даться. Я не знала, что с ними делать. Не могла же я их оставить с матерью. Сейчас попытаемся найти им отель.

Пока они ехали, Монетт рассказала, что Анри живет в Касабланке и преподает экономику, а Маркс – его студент. Они познакомились два года назад, на концерте Жака Бреля в кинотеатре «Риф де Мекнес». Анри иногда перебивал ее, делал какое-нибудь забавное уточнение или добавлял подробность, которую она забыла. Например, что она была в голубом платье и расплакалась, как только Брель запел *Ces gens-là*. В тот вечер, после концерта, они пошли в отель «Трансатлантик» и увидели, да, собственными глазами увидели Жака Бреля: он пил пиво в баре и смотрел куда-то в пространство, положив на стойку печальные длинные руки. Монетт хлопнула ладонью по рулю:

– Вы же не знаете самого главного! Сегодня ночью Аиша принимала роды прямо в поле... при помощи вилки. Расскажи им, Аиша.

Та пошевелила губами, но не издала ни звука.

– Она стесняется! А вот я всегда знала, что она будет великим врачом. Она уже в лицее была лучше всех нас.

Карл Маркс усмехнулся. Обиженная Аиша повернулась и уставилась на него. У молодого человека были такие же волосы, как у нее, только угольно-черные, и казалось, он их нарочно начесывает, чтобы придать еще больше объема. Лицо его тонуло в густой, лохматой бороде, он носил очки с толстыми стеклами. Его широкий выпуклый лоб придавал ему серьезный, немного пугающий вид. Она не могла бы сказать, красив он или нет, но этот норовистый парень с грустным лицом, сидевший так близко, полностью завладел ее мыслями. Он показался ей до ужаса живым.

– Что тебя так рассмешило? – осведомилась она.

– Только буржуа становятся врачами. Вероятно, у твоего отца прорва денег, раз он может оплатить тебе несколько лет учебы.

– Ну и что? Он ради этого трудился. Зарабатывать деньги, кажется, не преступление.

– Это как посмотреть.

– Не слушайте его, он не всерьез. Все, что он тут наговорил, вычитано у Маркса. Вообще-то он не злой, уж поверьте, – примирительно сказал Анри. – Ну что, вы выбрали фильм?

В кино они не пошли. Монетт настояла на том, чтобы насладиться теплым ласковым вечером, и они расположились на террасе «Кафе де Франс». Монетт, не в силах совладать с собой, то и дело прикасалась к Анри. Она клала ладонь ему на ногу, потом на плечо, наконец, сжала его пальцы и больше не выпускала. Ее взгляд, обращенный к нему, выражал не просто любовь, а желание сбежать отсюда, надежду на то, что с ней произойдет что-то хорошее и она вырвется из тоскливой рутины. Она задавала Анри вопросы о жизни в Касабланке и изо всех сил старалась его слушать. Но ее мысли витали далеко, она не могла думать ни о чем, кроме обнаженного тела Анри и той минуты, когда он ее поцелует. Он приехал ради нее. Она твердила про себя: «Он приехал ради меня». Со дня первой встречи в 1966 году они постоянно переписывались. Письма Анри, такие красивые, такие умные, приводили Монетт в смущение, и она целыми днями смотрела на лист желтой почтовой бумаги, не находя слов, чтобы выразить то, что у нее на сердце. Он звонил ей на Рождество, в день рождения, а зимой 1968 года они отправились в горы, в Ифран, и гуляли по заснеженным кедровым лесам, где на ветках деревьев раскачивались бесхвостые макаки. А теперь он здесь, с ней, и он волнует ее, лишает дара речи, как мечта, которая внезапно сбылась, когда ты уже перестала надеяться. Весь вечер она не обращала ни малейшего внимания на Аишу, и та сидела, скрестив руки и жуя коктейльную соломинку. Ее взлохмаченные волосы придавали ей вид растерянного ребенка. Она явно не желала поддерживать беседу с сидящим напротив нее юным педантом, стучавшим ногой в такт мелодии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.